

Костюм Адама для Евы

Автор:

Дарья Донцова

Костюм Адама для Евы

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #33

Легко отказать мужчине! А вот подруге... Попросила Настя приготовить мой фирменный десерт и прийти на презентацию очередного шедевра, вышедшего из-под кисти ее маменьки, и Евлампия Романова как штык явилась к назначенному часу с желе в обнимку. Во время праздника Настя объявила о помолвке, и я от души порадовалась: год назад она потеряла мужа Гришу, но нашла в себе силы жить дальше и даже встретила нового суженого... Однако что это за странная девица ломится в квартиру Гудковых, желая поговорить... с Гришей? Якобы у нее от него ребенок! Я не пустила самозванку на порог, а наутро узнала: жениха подруги сбила машина, за рулем которой сидела вчерашняя незваная гостья! Теперь я из кожи вон вылезу, но узнаю, почему на Настиных мужчин напал мор. А еще выясню, как в запертую квартиру попадает вобла и отчего на капоте моей любимой машинки удобно устроился... верблюд!

Дарья Донцова

Костюм Адама для Евы

Глава 1

Когда к вам обращаются со словами: «Пожалуйста, только скажи честно...», вы сразу понимаете, что сейчас придется врать с особой изощренностью.

И если вы услышите подобную фразу от знакомой в понедельник, то моментально говорите ей:

– Спрашивай, что хочешь, ничего не утаю. Могу рассказать, где видела чудесное платье, кстати, совсем недорогое. Но, увы, мне в данный момент не по карману даже бюджетные новинки. Собираюсь делать ремонт, каждая копейка на счету. Времени абсолютно нет – на работе меня завалили делами, раньше десяти вечера из офиса не уйти. А на выходные свекровь зовет на свою чертову дачу, она решила устроить семейный уикэнд, во время которого, как водится, произойдет общий скандал.

Одним словом, не дайте человеку продолжить фразу «Пожалуйста, только скажи честно...», вывалите на него сразу сообщение об отсутствии у вас денег и свободного времени, тогда сможете избежать неприятностей. Потому что пресловутый призыв к откровенности, как правило, имеет два варианта продолжения. Первый, самый частый, звучит так: «Можешь дать мне денег в долг?» Второй тоже предсказуем: «Ой, здорово, что у тебя нет никаких планов на субботу! Посиди с моими пятью детьми, пока я съезжу на день рождения». Впрочем, вы можете услышать просьбу встретить чужих родственников в аэропорту Домодедово в четыре утра или доставить к ветеринару чье-то домашнее животное, например ядовитую змею. Не так уж и важно, что вас попросят сделать, главное – знакомая покушается на ваше свободное время, которое вы хотели потратить по своему усмотрению. Набраться окаянства и отказать? У меня, например, после этого немедленно просыпается совесть, и я еще долго-долго извиняюсь, ощущая себя последней сволочью. Поэтому на всякий случай лучше сразу, не узнав, чего от вас намерены потребовать, дать понять: свободных денег нет, времени тоже...

– Лампа, ты умеешь писать письма? – поинтересовался, прервав мои мысли, пожилой мужчина в очках, осторожно взяв меня под локоть.

Я быстро водрузила на лицо улыбку.

– Конечно, Илья Николаевич.

Обожаю давать советы! Вот только поинтересуйтесь у меня, как поступить в той или иной ситуации, и я сразу выдам ценные рекомендации. За умение подсказать правильную линию поведения госпожу Евлампию Романову любят подруги, а у меня их огромное количество. Остается лишь удивляться, почему, ловко разводя руками чужие неприятности, я не способна справиться с тем, что выпадает на мою собственную голову.

Во вторник вечером я в самом распрекрасном настроении лежала на диване в гостиной, устремив взор на экран телевизора. Макс улетел в командировку, а моя свекровь Капитолина переживает буйный роман, поэтому не нагружает меня своими проблемами. Капа весела и щебечет, как птичка. Впрочем, нужно быть справедливой: мать Макса никогда не приезжает к нам по вечерам, чтобы проверить, какой ужин я приготовила ее дорогому мальчику. А если уж быть совсем честной, то сын вообще не особенно волнует Капу. Она фактически бросила его еще в детском возрасте и усвистела в Америку, где расцвела на ниве бизнеса – Капитолине принадлежит сеть магазинов «Комареро», торгующих женской одеждой средней ценовой категории.

Не всем доступны изделия дорогих фирм, но подавляющему числу представительниц прекрасного пола хочется модных нарядов. Что делать, если у вас нет возможности отдать в кассу бутика тысячи с трудом заработанных рублей за платье, которое демонстрировала топ-модель в Париже или Милане? Не расстраивайтесь, отправляйтесь в «Комареро», там непременно отыщутся подиумные новинки. Швеи Капитолины быстры на руку и, едва увидев новое творение Прада-Шанель-Кензо-Хлоя, моментально копируют его для широкого покупателя. Спросите, почему моя предприимчивая свекровь до сих пор держится на плаву? По какой причине ее не завалили исками о нарушении авторских прав? Да потому, что она никогда не тиражирует стопроцентную копию. Блузку от-кутюр украшают золотые пуговицы? А в многоэтажных магазинах «Комареро» появятся практически такие же, но исключительно с серебряными застежками. Мода дело хитрое, очень часто несколькими кутюрье приходят в голову схожие идеи. Стоит лишь изменить фактуру ткани или использовать другую фурнитуру – и перед вами абсолютно оригинальная шмотка. А то, что она напоминает творение другого человека, никакой роли не играет. В конце концов, все платья одинаковы: лиф, юбка и рукава.

Ну да я отвлеклась от основной темы.

Итак, во вторник в состоянии полнейшей расслабленности я наслаждалась детективным сериалом, уминала очень вредное, но не менее вкусное сдобное печенье и изредка пыталась урезонить мопсов Фиру и Мусю, которые носились как ошалелые, отнимая друг у друга плюшевую белку. Игрушка заунывно пищала, собаки в восторге нарезали круги по комнате, а я, запивая печенье чаем, лениво приговаривала:

– Эй, девушки, нельзя ли потише!

В самый напряженный момент, когда на экране возникла тень с пистолетом в руке, затрезвонил телефон. Я машинально схватила трубку и, наблюдая, как таинственный убийца крадется по замку в спальню главной героини, выдохнула:

– Кто там? То есть алло...

– Привет, Лампуша, это Настя Гудкова, – радостно зачирикала подруга. – Скажи, только честно, какие у тебя планы на пятницу?

В эту самую секунду Фира, в очередной раз проносясь мимо дивана, подпрыгнула и смахнула своим длинным языком печенье с тарелки, стоящей на моем животе.

Вы не поверите, какое количество еды способна слопать эта собачка размером не больше дорожной сумки скромного объема. Если хотите знать, как выглядит моя мопсиха, то возьмите ридикюль из плотной ткани, представьте, что вам предстоит взять его с собой в кабину авиалайнера, и укладывайте вещи, которые могут понадобиться во время перелета. Айпад, чтобы поиграть в «Angry birds», носочки, косметичка, журналы, упаковка носовых платочков, теплая кофточка, сумочка с документами, кошелек, ежедневник, лекарства, пакетик с леденцами (конфеты теперь стюардессы не раздают, а у меня всегда при взлете и посадке закладывает уши)... Удивительно, сколько всего можно утрамбовать в сумку с параметрами двадцать на сорок сантиметров. В результате у вас получится маленький, но основательно раздутый в боках саквояж. Мысленно прикрепите к одному концу сумки скрученную в три раза волосатую сардельку, к другому приделайте голову с глазами навыкате и длинным розовым языком, водрузите все это на четыре короткие, крепкие, кривые лапы – и вот вам Фира. Ах да, «сумка» должна к тому же постоянно бегать, прыгать, сопеть, кряхтеть, пукать, воровать еду, смотреть на хозяйку пронырливым взглядом и чувствовать

себя лучшим созданием на свете.

Увидев, как разбойница слямзила печенье, я от негодования села. Потом заметила, что главная героиня детектива уже убита, и еще сильнее разозлилась на наглую Фиру, из-за которой пропустила кульминационный момент сериала. Думая лишь о том, как по достоинству наказать запредельно обнаглевшую собаку, я машинально ответила на вопрос подруги:

– В пятницу я совершенно свободна.

– Ой, здорово! – обрадовалась Настя. – Значит, в субботу ты придешь к нам в гости. Да?

Муся, зарыдав от обиды, кинулась отнимать у Фиры печенюшку. Пустая затея! Фируся знает: любую добычу надо глотать сразу и целиком. Вот и сейчас она живо отправила курабье в свой бездонный желудок и ринулась на кухню к миске с водой. Муся, продолжая причитать от горя, последовала за ней. А я изумилась: ну и где у Гудковой логика? Если я свободна в пятницу, то при чем тут приглашение заглянуть к ней на огонек в субботу?

– Сделаешь свой чудесный пирог-желе, – продолжала собеседница, – его все без исключения обожают.

Я снова легла на диван. Нет, Настена мыслит правильно: десерт необходимо приготовить за сутки до того, как гости к ней придут. И раз вечеринка намечается в субботу, в пятницу давай, Лампа, повязывай фартук.

Между прочим, мне совершенно не хочется скакать по кухне, а потом еще тащиться к Гудковой. Макс вчера улетел в Занзибар – очередное расследование мужа уходит корнями в Африку. В выходные я намеревалась... Да ничего я не намеревалась делать, хотела тупо валяться у телика.

– Спасибо, Лампушечка! – не дожидаясь от меня ответа, трещала Настя. – Твой фруктовый пирог-желе – нечто волшебное! Народу будет много, мы презентуем мамину картину.

– Понятно... – протянула я.

Нас с Гудковой познакомила Аня Спиридонова, некогда учившаяся вокалу у моей мамы Ольги Петровны, оперной певицы. Помнится, я заехала к Ане, а та потащила меня в гости к Насте. В квартире была устроена презентация очередного произведения Лады, ее матери. Картина, находившаяся в гостиной на мольберте, называлась «Весна», но я не очень-то поняла, какое отношение к этому времени года имеют черно-серые шары, изображенные на большом полотне. Однако с умным видом покивала, рассматривая мазню, и проговорила:

– Очень точно передано настроение.

За прошедшие после той первой встречи годы творчество Лады не претерпело ни малейших изменений, ее произведения по-прежнему представляют собой скопище окружностей мрачных тонов. Художница не продала ни одной своей работы, она гордо говорит:

– Живопись не товар. Люди, получающие за свои творения деньги, – ремесленники. Я предпочитаю дарить мои шедевры.

Пару раз у меня на языке вертелся вопрос: следует ли считать Рафаэля или Леонардо да Винчи обычными малярами? Ведь они, как известно, часто работали по заказам своих богатых современников и брали с тех золотые монеты. Но какой смысл щипать Ладу, чьи вдохновенные картины никому не нужны?

Кстати, одно из произведений мамы Насти есть и у нас с Максом. Получив от Лады в подарок натюрморт, как она объяснила, с овощами, мы с мужем оказались в пикантном положении. Водружать на стену кошмар в раме не хотелось категорически, но и засунуть мазню Лады в чулан было невозможно. Наши с Гудковой дома находятся неподалеку, Настя частенько забегают к нам по-приятельски, без предварительной договоренности, иногда за дочерью увязывается и Лада. Что сказать, когда художница поинтересуется, где ее полотно.

Получив в дар холст, я неделю бродила с ним по дому, пытаюсь пристроить творение Лады так, чтобы оно висело как бы на почетном месте, но и не было никому видно. И в конце концов нашла место «Натюрморта с овощами» на стене в небольшом коридорчике, который ведет в гостевую комнату. Мы с Максом туда практически не заглядываем, а Настюше я с самым невинным видом заявила:

– В квартире сплошные окна, а яркий солнечный свет плохо действует на краски. Боюсь, как бы подарок Лады не поблек.

До того как целиком и полностью посвятить себя живописи, Лада работала преподавателем рисования в детском центре. Каким она была педагогом, я не знаю, познакомилась с ней, когда Лада уже ушла с этой должности и отдалась творчеству. Новинки от Лады появляются раз в три-четыре месяца. Чтобы доставить матери удовольствие, Настя, услышав от нее слова: «Наконец-то мой труд завершен», – устраивает вечеринку. Очень часто под занавес мероприятия художница, прослезившись от нахлынувших эмоций, дарит очередную мазню кому-то из присутствующих. Но иногда полотно остается дома – Лада относится к своим «шедеврам», как к детям малым, далеко их от себя не отпускает.

– Отличненько! – радовалась сейчас ничего не знающая о моих мыслях Настена. – Суперски! Пирог-желе – лучший десерт!

Я молча слушала Гудкову.

Настя очень хороший человек, а ее любовь к матери можно считать образцовой. Лада – очаровательная дама, которой подкатывает к шестидесяти. По современным меркам, это не возраст, и художница совсем не похожа на пенсионерку. Она прекрасно выглядит, хорошо одевается, пользуется компьютером и мобильным телефоном и никогда не устраивает дочери скандалов с припевом «всю жизнь тебе, неблагодарной, отдала». Но... как бы это помягче сказать... когда речь заходит о творчестве, Лада делается невыносимой. Она жаждет получать гиперкомплименты и на вечеринках постоянно подходит к гостям с вопросом:

– Ну, как вам мое полотно?

Услышав восторженные отзывы, дама толкает часовую речь, описывая историю создания шедевра. Во время презентации разговаривать присутствующим позволительно лишь о гениальности хозяйки. Лучше, конечно, громко и уверенно восхищаться свежим творением, но можно и нахваливать «портреты» шаров, которые уже развешаны по всей квартире. Если кто-то из приглашенных забывается и вдруг начинает беседовать с приятелем на отвlecенную тему, допустим, хвастается удачно проведенным отпуском и нагло демонстрирует фотографии в телефоне, Лада тут же подойдет к безобразнику и с самой

очаровательной улыбкой промурлычет:

– Как вам моя новая картина?

Обычно тактичная, умная, хлебосольная Лада на вечеринке в честь дня рождения очередной порции шариков забывает о воспитании и правилах поведения. Друзья любят Настю, но подчас стараются избежать приглашения на торжество ее мамы.

Осенью мне весьма удачно удалось отвертеться от чести нахваливать Ладу. Едва Настя позвонила, как я быстро сообщила:

– Макс купил путевку, мы летим в Америку. Жду не дождусь, когда увижу съемочные павильоны киностудии «Юниверсал» и парк «Диснейленд».

И это было чистой правдой, я лишь слегка приврала с датой: билеты Макс купил на двенадцатое число, и мы с мужем могли попасть на вечеринку к Гудковой, ведь действие затевалось десятого. Но я сказала, что мы вылетаем девятого, а потом не подходила к телефону.

Вот и во вторник я могла бы сообразить, что слова Насти: «Скажи, только честно...» – не предвещают ничего хорошего. Но гадкая Фира и тень убийцы с пистолетом, скользившая по экрану, отвлекли меня и не дали возможности вовремя сориентироваться.

Глава 2

– Дорогая Лампа, – церемонно произнес Илья Николаевич, взяв меня под локоть, – ты отправишь мое письмо? Я имею, конечно, в виду не конверт с марками, а странное электрическое послание, которое непостижимым для меня образом через секунду оказывается на другом конце земного шара. Хотя есть ли у нашей планеты конец? Мне следует выразиться точнее.

Я постаралась отогнать грустные мысли и принялась улыбаться, как Фира, которой удалось спереть со стола целую фаршированную индейку.

Мда-а, у меня сейчас не лучший период в жизни. Макс отбыл в Африку, а мне не нравится, когда муж улетает в командировки. Фруктовый пирог-желе по дороге к Гудковой чуть не выпал из сумки. Как я уже говорила, мы обитаем в паре кварталов друг от друга, на машине до Настиного дома мне ехать меньше минуты, но десерт мог развалиться от тряски, форму со сладким надо держать в руках, поэтому я потопала пешком, споткнулась и едва не уронила сумку. Потом мне пришлось полчаса петь дифирамбы Ладе, а когда, наконец, я ускользнула от художницы, прямиком угодила в лапки ее супруга.

Отец Насти, Илья Николаевич Петров, работает в каком-то НИИ. Он кандидат наук, изучает историческую философию. Или философию истории? Простите, точно не помню, чем он занят. Ученый упорно пишет докторскую диссертацию, тему которой я воспроизвести просто не способна. Илье Николаевичу, как и его жене, еще нет шестидесяти, но в отличие от супруги Петров кажется старше своих лет. Он довольно полный, совершенно седой и выглядит таким дедушкой. Написание диссертации – дело непростое, а Илья Николаевич еще и очень педантичен, хочет, чтобы его работа оказалась наилучшей в своей области, поэтому тщательно изучает все источники и труды, созданные коллегами. Кабинет Ильи Николаевича напоминает лавку букиниста, в комнате повсюду громоздятся кипы книг самых разных годов издания, из томов торчат разноцветные закладки. Как ученый разбирается в таком хаосе, мне непонятно, но он довольно ловко ориентируется в океане литературы.

Илья Николаевич человек энциклопедически образованный, но эта образованность весьма однобока. Ученый легко может рассказать об истории и философии, отлично разбирается в литературе, но скажи при нем «Джеймс Бонд», и отец Насти тут же спросит, кто он такой. Петрова не интересует так называемое массовое искусство, он не смотрит телевизор, не читает газет, не летает на самолетах, не пользуется современной техникой. В том числе не владеет компьютером и к сотовому телефону относится с опаской, говорит, глядя на мобильник:

– Губительное изобретение. Читал, что оно своим излучением вызывает распад головного мозга.

Меня всегда удивляло, почему умный, начитанный, интеллигентный человек верит глупостям, которые строчат журналисты. Но факт остается фактом, Илья Николаевич боится «излучения». Поэтому в его доме нет ни СВЧ-печки, ни

радиотелефона, ни компьютера, и даже телевизионный пульт от хозяина прячут. Еду Настя разогревает по старинке – на плите – и наличие в своей спальне ноутбука не афиширует. А вот с телефоном беда. Современный беспроводной аппарат ученый не приемлет, поэтому в огромной квартире есть три допотопных устройства. Внимание – они не кнопочные, а с дисками. Настоящий раритет! Если кто не знает, поясню: телефонная трубка времен неолита прикреплена к самому аппарату витым шнуром. Пойти с ней в ванную, в туалет или в спальню невозможно. Есть еще одно неудобство: когда кто-то говорит, стоя у одного аппарата, со второго можно снять трубку и стать незримым участником чужой беседы, то есть, грубо говоря, подслушать ее, поскольку в старых модификациях с наборными дисками не было системы блокировки параллельных телефонов. В связи с этим моя подруга предпочитает даже дома пользоваться исключительно мобильником.

Несколько лет назад Гриша Гудков, муж Настюши, ныне покойный, решил приобщить тестя к прогрессу и купил ему айпад. Илья Николаевич поцокал языком, с уважением повосхищался планшетником, долго хвалил любимого зятя и на вопрос Гриши, задаваемый примерно раз в неделю: «Ну как, ты пользуешься айпадом?» – мычал нечто невразумительное.

Однажды Грише понадобилась чистая бумага, он зашел в кабинет к Илье Николаевичу, увидел, что тестя нет, и открыл его айпад, торжественно лежавший на самом видном месте. Под крышкой обнаружилась черная тряпочка, предусмотрительно прикрывающая экран от повреждений, а в памяти планшетника нашлась лишь пара программ, предоставленных производителем. Сообразив, что Петров восторгался его подарком исключительно из вежливости, а сам ни разу не прикоснулся к чуду электроники, Гриша спросил:

– Папа, почему бы тебе не полазить по Интернету? Там информация найдется быстрее, чем в справочниках!

Ученый ответил:

– Мне это неинтересно.

Здесь надо непременно отметить, что кандидат наук вовсе не считает себя гением, наоборот, часто повторяет классическую фразу:

– Я знаю, что ничего не знаю.

Петров милейший, интеллигентнейший, скромнейший человек, никому не доставляет никаких неудобств в быту. Большую часть суток он предпочитает проводить за письменным столом. Отец Насти может питаться любыми продуктами, не требует модной одежды, не брюзжит, не жалуется и начисто лишен чувства зависти. К окружающим ученый не предъявляет никаких претензий, а вот к себе исключительно придирчив – его докторская диссертация пока написана лишь до тридцать второй страницы. Почему за многие годы работы результат столь невелик? Ну, во-первых, Илья Николаевич тщательно отшлифовывает каждое предложение. Как-то мне попался на глаза его черновик, и я была поражена работой над текстом. «Каждый философ обязан прочитать», «всякий философ обязан прочитать», «всякий ученый обязан прочитать», «каждый ученый обязан прочитать», «любой из ученых должен прочитать», «если каждый ученый не прочитал»... И так вариантов сто! Найдя правильный, Илья Николаевич переносит его в оригинал. Потом смотрит на лист бумаги и переписывает весь текст раз семь-восемь, добиваясь красоты почерка.

С женой и дочерью Петров не спорит, с покойным зятем не конфликтовал ни разу. Многие женщины хотели бы иметь такого мужа. У отца Насти всего-то пара недостатков: он не зарабатывает денег и не участвует в семейной жизни. Вот только не подумайте, что ему наплевать на Настю и Ладу или что он демонстративно запирается в кабинете, когда в дом приходят гости. Нет, Илья Николаевич сидит со всеми за столом, наливает присутствующим вино, может рассказать какую-нибудь байку, но иногда его лицо принимает такое выражение, что сразу становится ясно: мыслями хозяин далеко от праздника, он думает о своем. Вроде находится в гостиной, но на самом деле здесь лишь его тело, душа же летает в эмпиреях.

Во всех семьях подчас возникают сложные моменты, и если в форс-мажорной ситуации Настя или Лада спрашивает у Ильи совета, он отвечает:

– Я с вами во всем согласен.

Настя не откровенничает о своем детстве, мы с ней подружились, будучи уже взрослыми, поэтому мне неизвестно, всегда ли Илья Николаевич обладал таким покладистым характером, или его поработила излишне активная, знающая ответы на все вопросы жена.

Как-то раз я случайно столкнулась с семьей Гудковых-Петровых в крупном торговом центре и пошла вместе с ними пить кофе. По дороге к ресторану Лада увидела в витрине пиджак, ринулась в лавку и велела продавщице:

– Принесите пиджак с манекена, муж хочет его померить.

Девушка не поняла, с кем имеет дело, и повернулась к Илье Николаевичу:

– На мой взгляд, вам больше подойдет кашемировый свитер.

– Я не спрашивала у вас совета! – возмутилась Лада. – Отлично знаю желания своего супруга!

Следующие полчаса жена вертела Илью перед зеркалом и купила-таки ему одежду, ни разу не спросив у мужа его мнение по поводу пиджака. А когда мы наконец устроились за столиком, художница выбрала для него обед, опять же, естественно, по своему усмотрению:

– Супругу принесите рыбу, запеченную в фольге.

Илья Николаевич охотно кивал и в лавке с одеждой, и в кафе. Он всегда соглашается с супругой, в бытовых вопросах ему явно легче подчиниться, чем настаивать на своем. Но вот если Илья Николаевич произносит фразу: «Мне это неинтересно», – тут ничего поделать нельзя. То, что его не занимает, он ни под каким видом не станет делать. Парадокс состоит в том, что, сказав: «Мне неинтересно учиться водить машину» или «Мне неинтересно осваивать Интернет», – Петров все-таки пользуется автомобилем и компьютером.

С машиной дело обстоит просто – у Ильи Николаевича есть шофер, рукастый Павлик, который возит ученого на работу, в библиотеку, по книжным магазинам. Илья Николаевич садится на заднее сиденье и замирает, как черепашка, высматривающая сочный листочек. Если Насте надо узнать, где находится отец в данный момент, она звонит Павлу, и тот, работая громкоговорителем, обращается к пассажиру:

– Анастасия спрашивает: «Папа, что ты делаешь?»

Тот растерянно сообщает:

– Доченька, я еду.

Как понимаете, подобный ответ никоим образом не удовлетворяет Гудкову, и она требует уточнения:

– И где едешь?

– По дороге, Настюша, – заявляет отец.

Не следует думать, что он издевается. Ему просто неинтересно, по каким улицам движется автомобиль, главное ведь – прибыть к месту назначения. К тому же, родившись и прожив в Москве всю сознательную жизнь, Илья Николаевич почти не знает столицу и окрестности: путает Волоколамское шоссе с Волгоградским, считает Замоскворечье деревенькой в районе Звенигорода, а уж станции метро для него и вовсе темный лес. Если Настя требует от отца конкретного ответа и велит назвать магистраль, по которой тот едет, Илья Николаевич бормочет:

– Павлик, сделай одолжение, сам ей скажи, как называется место, где мы с тобой находимся.

Лично я на месте Гудковой ограничивалась бы беседой с водителем, а не делала бы из Павла посредника при общении с отцом.

С Интернетом у Петрова примерно та же ситуация, что и с автомобилем. Ученому неинтересна Всемирная паутина. Людей, подолгу просиживающих у компьютеров, Илья Николаевич не уважает, считает идиотами и бездельниками. Но вот беда: очень часто книги, необходимые ему, доступны лишь в киберпространстве. И тогда Илья Николаевич выходит на охоту. Главное, не попасться ему на глаза в тот момент, когда он ищет человека, которому предстоит стать его помощником. Потому что если вы один раз нашли для Ильи Николаевича в Сети некую брошюру, то все, после этого он замучает вас своими заданиями, вы будете часами плавать во Всемирной паутине, выискивая для него статью, упомянутую каким-нибудь деятелем, рассказывающим о воспоминаниях некоего профессора, который когда-то читал сей материал или слушал его пересказ... Ну и так далее, в глубь веков. Как правило, отыскать то, что жаждет получить Петров, очень трудно. Многие статьи написаны на английском

языке, которым ученый не владеет. Следовательно, вам после нудного бега по сайтам и поисковым системам необходимо перевести нудятину на русский, а затем распечатать. Дальше начинается самое интересное. Вы приносите ученому заказанное, а тот быстренько проглядывает текст, отбрасывает его и говорит:

– Полнейшая ерунда! Так я и предполагал, в данном исследовании нет ни малейшей пользы, не нужно это мне. Вот что, дружочек, отыщи-ка ты для меня другую книженцию...

Илье Николаевичу совершенно не хочется овладевать компьютером. Зачем тратить свое время и силы, если можно найти того, кто поможет ему, сделает за него черновую работу? После всего вышесказанного вас не должно удивлять, что домашние и приятели Насти убегают прочь, когда понимают: Илье Николаевичу нужно порыбачить в Сети. Пару лет назад, когда Настя с Ладой бурно обсуждали, какой презент лучше преподнести ему на день рождения, Гриша вдруг сказал:

– Подарите ему раба.

Теща и жена разинули рты. Никто не ожидал от покладистого Гришеньки такого ехидства. А ведь он сказал чистую правду: наличие покорного раба очень упростило бы жизнь членам семьи, потому как безответный помощник стал бы выполнять все то, что хозяину категорически не хочется делать, но крайне нужно. Крепостной мужик занялся бы набором и распечатыванием его рукописи, чинил бы ученому карандаши, заправлял ручки чернилами, водил его за руку по библиотекам, носился по Интернету, списывался с коллегами, ну и тому подобное. Почему Настя не наймет отцу помощника? Ответ очевиден: Илье Николаевичу не хочется иметь секретаря. И вот что удивительно – ученый совершенно убежден: он все делает сам, ему никто никогда не помогает. Он сам входит в библиотеку, а уж кто его туда привез, кто нашел и отксерил нужные страницы в книге, это не имеет значения.

По правде говоря, Илья Николаевич без зазрения совести использует других людей, отнимает у них время для выполнения совершенно ненужной им работы и абсолютно уверен, что им в радость помочь ему. А теперь он наметил на роль раба меня, и я попалась, как наивный крольчонок, в хорошо замаскированный капкан. Суббота решительно не удалась.

Глава 3

– Письмо надо отправить срочно, – давал мне указания Илья Николаевич. – Объясняю суть. В тысяча девятьсот втором году философ и историк Катценвеленбоген написал книгу под названием «Боген Катцен».

У меня загудело в голове, а ученый вещал дальше:

– Труд был издан небольшим тиражом, сейчас в продаже в Москве его нет, я проверил. Мне эта книга крайне необходима, без нее я буксую на месте. Фридрих Шлосс в своем письме к Себастьяну Райху указывал, что в брошюре Катценвеленбогена есть фраза, объясняющая, почему Генрих Швальб с презрением относился к Анри Мургенцу, по какой причине он называл его «философ домашних пончиков». Это невероятно важная для моей диссертации информация! Я доходчиво объяснил?

– А на каком языке писал автор? – пискнула я.

– На немецком, душенька, – пояснил отец Насти.

– Я хоть и изучала его в школе, но совершенно им не владею! – радостно заявила я. – Лучше вам...

– Ты найди книгу, – остановил меня Илья Николаевич, – а Егорушка готов ее перевести.

Я опустила глаза в пол.

Гриша, муж Насти, скончался не так давно от обширного инфаркта. У Гудковых была хорошая семья, правда, детей им бог не послал. Первое время после смерти мужа Настя казалась растерянной, но потом она опять стала улыбаться – рядом с ней появился симпатичный Егор. Кавалер чуть моложе Насти, но разница в возрасте у них незаметна. Илья Николаевич любил зятя и горевал о нем. Но дочь ему роднее, поэтому он не протестовал против новой любви Настюши и относится к Егорушке как к члену семьи. А тот старается

понравиться родителям избранницы и готов переводить для будущего тестя тексты.

– Желательно отыскать издание побыстрее, – продолжал ученый.

– Конечно, – кивнула я. – А где на него охотиться?

Глаза Ильи Николаевича расширились.

– Деточка, мне неинтересно, где ты будешь рыться, важна книга. Повторю еще раз! В тысяча девятьсот втором году...

Я совсем приуныла. Все, теперь Илья Николаевич точно не отстанет, придется приковаться к ноутбуку.

– Внимание, внимание! – закричала Настя. – Перестаньте все болтать и послушайте меня!

Присутствующие притихли и повернули головы к Гудковой.

– Катценвеленбоген, – громко сказал Илья, – не забудь.

Я опять кивнула и услышала голос Лады:

– Вообще-то сегодня презентация моей картины «Рождение любви», давайте поговорим о полотне. Оно революционно! Впервые я использовала в своем творчестве фиолетовый оттенок...

– Конечно, мама, – сказала Настя, – цвет наиважнейшая штука, но для меня знаковым является название произведения, поэтому именно сейчас, собрав вас всех вместе, мы с Егором хотим сообщить о нашей предстоящей свадьбе. Торжество состоится первого апреля. И нет, это не шутка! Вам пришлют приглашения. Ну почему вы молчите? Егорушка, иди сюда!

Будущий муж Гудковой, смущенно улыбаясь, приблизился к невесте.

– Если кто не знает жениха, то вот он! – во всеуслышание объявила Настя. – Умница, красавец и вообще замечательный человек. Ребята, вы так и будете стоять идиотами или все же догадаетесь нас поздравить? Мы никому, даже маме с папой, ничего не сообщали. Сюрприз!

Гости опомнились и бросились к Гудковой.

– Егорка, открой шампанское! – закричала счастливая невеста.

Жених пошел к столу.

– Шампанское? – всплеснула руками Лада. – К нему нужны фрукты! Лампочка, принеси, если не трудно, поднос с виноградом, он на кухне.

Я поспешила выполнить ее просьбу и увидела у холодильника Олега Раскова. Он держал в руке вазу для цветов и сосредоточенно наливал туда кофе.

– Эй, ты что делаешь? – воскликнула я.

Олег, громко икнув, ответил:

– Коктейль.

Потом пьяный дурак схватил со стола бутылку с оливковым маслом, банку колы и стал добавлять в вазу содержимое из этих емкостей. Затем настал черед кетчупа, сиропа из облепихи и еще каких-то соусов.

Я взяла поднос с «дамскими пальчиками» и понесла его в гостиную.

Расков алкоголик, ему достаточно понюхать рюмку, чтобы превратиться во вредное озлобленное существо. Настя больше не приглашает Олега, думаю, он сам заявился сегодня на презентацию, потому что знает: Гудкова не экономит на хорошем спиртном. Полагаю, Настена совсем не обрадовалась, увидев на пороге пьянчугу. Но не устраивать же скандал! А Расков, как обычно, наклюкался и теперь колдует над созданием адской смеси. Надеюсь, он не собирается выпить ее здесь. Надо бы отнять у красавца вазу, но я не отважусь на столь геройский поступок – в результате возлияний Расков делается крайне агрессивным, может

распустить руки. С другой стороны, что с ним будет от состава кофе-масло-кола-кетчуп-сироп и прочее? Разве только понос...

Я отнесла в гостиную фрукты, но все-таки решила проверить, чем занят Олег.

Апартаменты Гудковой расположены в кирпичном доме постройки шестидесятых годов прошлого века. Это две квартиры, объединенные в единое целое. Из второй кухни Лада сделала себе спальню, а часть лестничной клетки, куда выходят входные двери, превратила в симпатичную, довольно просторную прихожую. И сейчас оттуда долетали голоса, которые я моментально узнала.

– В-выпей, в-вкусно, – заикался Расков.

– Отстань, идиот, – бубнила Вика Мамаева, наша общая с Настей знакомая.

– С-супер! – не отставал Олег.

– Дурак! – рявкнула Мамаева и выскочила в коридор. Увидев меня, сердито сказала: – Кто Раскова привел? Намешал в вазе хрен знает чего и пытался заставить меня выпить адскую смесь. Еле отбилась от кретина!

Покраснев от негодования, Вика умчалась в гостиную, а я заглянула в прихожую и увидела, как Олег выливает свой «коктейль» на темную парку с капюшоном, принадлежащую Егору. Рядом на крючке висела красная куртка Насти. Хорошо, что светло-бежевое пальто Гудковой и ярко-голубой пуховичок Лады находились на противоположном конце вешалки, на них не попало ни капли.

– Что ты делаешь? – возмутилась я. – Немедленно прекрати!

– Молчать! – взвизгнул Олег и убежал из квартиры.

Спустя короткое время с лестницы донесся громкий мат. Похоже, Расков забыл про лифт, помчался вниз по ступенькам и упал. Если даже и так, ни за что не пойду проверять, как он себя чувствует!

Я пощупала парку Егора – та оказалась насквозь мокрой. Наверное, надо повесить ее на батарею. Хотя не знаю, как отреагирует прорезиненная ткань на

резкое нагревание. Я застыла в раздумьях около впитавшей в себя «коктейль» куртки, и тут раздался звонок.

Судя по оживленным голосам, долетавшим из комнат, гости восторгались шампанским и поздравляли Настю с Егором. Илье Николаевичу не придет в голову открыть входную дверь, ему это по барабану, а Лада собирает урожай похвал и тоже не поспешит в прихожую. Я решила не отвлекать хозяев и самостоятельно впустить в дом припозднившегося гостя. Но на пороге увидела не общего приятеля с букетом и подарочным пакетом, а незнакомую худенькую, прозрачную блондинку в ярко-красной куртке. На ее голове была кепочка, из-под нее спускались длинные пряди очень светлых волос. За руку незнакомка держала веснушчатого ребенка младшего школьного возраста, одетого в малиновый комбинезон и голубую шапочку, из-под которой выбивалась рыжая челочка.

– Можно Григория Гудкова? – испуганно спросила женщина. – Алина, поздоровайся!

На мой взгляд, бесполезно требовать от малышки соблюдения этикета, если сама не говоришь человеку при встрече: «Добрый день», – но многие взрослые очень придирчивы к детям и толерантны по отношению к себе, любимым. Девочка не послушалась мать, а та заявила:

– Мне очень нужен Григорий Гудков. Можно с ним поговорить?

– Боюсь, не получится, – пробормотала я.

– Почему? – заморгала незнакомка.

Я откашлялась.

– Видите ли, у Насти, хозяйки дома, помолвка, ей сейчас не до бесед. А Григорий, э...

– Они развелись? – ахнула женщина. – Невероятно! Вот это удача!

Вам не кажется странным ликование по поводу расторжения чужого брака? Хотя встречаются люди, которых искренне радуют чужие беды.

Я решительно вышла на лестницу, прикрыла за спиной дверь и спросила:

– Как вас зовут?

– Она Алина, – представила незнакомка девочку.

– Я уже поняла, – кивнула я. – А как к вам обращаться?

– Катя Дроздова, – чуть помедлив, представилась незваная гостья. – А что? Вы сами кто?

– Подруга Насти, Лампа, – ответила я.

Алина неожиданно ткнула пальцем в стену, по которой медленно ползла муха, и спросила:

– Птичка летит?

Ее личико озарила открытая улыбка, зеленые глаза чуть сузились, на подбородке явственно обозначилась ямочка. Алина посмотрела на маму, стащила с головы шапочку, я увидела не только рыжую челку, но и мелкие кудряшки, старательно заплетенные в косички. И вдруг поняла: ребенок поразительно похож на покойного Гришу. Гудков был отчаянно рыжим, зеленоглазым, с ямочкой на подбородке, и веснушки у него не исчезали даже зимой.

– Это муха, – вздохнула Катя.

– Крылья. Птичка, – не согласилась Алина. – Да? Чирик-чирик?

Разницу между насекомым и воробьем дети, как правило, усваивают в раннем возрасте, но Алина, похоже, отставала в развитии.

– Волосы поправь, – приказала мать.

Дочь насупилась и дернула ее за сумку. Дешевый ридикюль из искусственной кожи раскрылся, из него выпали ключи от машины, расческа и разная косметика.

– Бибика, – заметила Алина, показывая пальчиком на колечко с ключами и брелоком с надписью «Рено». – Зеленая. На бибике зеленой мы приехали. У-у-у! Зеленая бибика! Кататься люблю на зеленой бибике!

Катя присела на корточки и подобрала мелочи. Последней она взяла в руки круглую пудреницу, зачем-то открыла ее и горестно воскликнула:

– Зеркальце разбилось! Плохая примета. К смерти.

Алина засмеялась, запрокинув голову. Я увидела под подбородком на шее ребенка родинку и не сдержалась:

– Она дочь Гриши!

Катя поджала губы.

– Не знаю я никакого Гриши.

Заявление поразило меня своей глупостью, и я сказала:

– Оригинально. Минуту назад вы хотели побеседовать с Григорием Гудковым.

Щеки Дроздовой вытянулись.

– Где он?

– Вы с ним давно в последний раз общались? – осторожно спросила я.

Катерина покосилась на Алину.

– Не важно! Позовите Гришу, у меня к нему дело. Хотя, если они с Настей развелись, небось Гудков тут больше не живет. Он квартиру снимает? Где? Можете подсказать его адрес? Мне очень надо!

– Понимаете, Катя, он... вообще не живет, – проямлила я.

Личико ее сморщилось.

– Уехал из России? За границу?

Было невозможно ходить вокруг да около, рано или поздно придется сообщить гостье неприятное известие. Я набрала полную грудь воздуха и выпалила:

– Гудков умер.

Дверь квартиры приотворилась, наружу высунулась Лада:

– Лампа? А я думаю, почему по полу дует? Кто это с тобой?

– Моя дальняя родственница, – быстро соврала я, – приехала погостить из провинции. Сейчас дам ей ключи от квартиры, и она уйдет.

Лада кивнула и исчезла.

Я перевела дух и мысленно укорила себя. Лампа, в другой раз ври более правдоподобно, хорошо, что художницу волнуют лишь серо-черно-фиолетовые кляксы-шары на ее полотнах, в противном случае она могла спросить, например: «Почему ты не оставила ключи соседям? Нехорошо заставлять женщину с ребенком бегать вечером по Москве».

– Как умер? – пролепетала Катя.

– От инфаркта, – пояснила я. – Гудковы не разводились, Настя вдова, но скоро станет женой Егора Кострова. Я очень хорошо вас понимаю. Алина невероятно похожа на Гришу – цвет волос, глаз, манера смеяться, ямочка на подбородке, родинка на шее. Девочка просто клон папы, анализ ДНК в ее случае будет лишним, но...

– Хорошо меня понимаешь? – истерично засмеялась Екатерина. – Дура! Ты даже не представляешь... ни на секунду... Он умер! Господи! Это конец! Больше мне не к кому идти!

– Егорка, захлопни дверь, дует! – закричала из квартиры Настя. – Эй, Егор, ты где?

Я испугалась, что сейчас подруга сама выглянет на лестницу, увидит Катю, Алину и начнет сыпать вопросами.

– Пожалуйста, уходите, – взмолилась я, – не портите Насте праздник. Если вас бросил любовник, не захотел содержать внебрачного ребенка, никакой вины на его жене нет. Настя понятия не имела, что у мужа была на стороне связь. Честное слово, я знаю! Она не тот человек, чтобы смириться с изменой.

Катя, поджав губы, молча слушала мою страстную речь, а я, изо всех сил не желая, чтобы сейчас в присутствии большого количества людей вспыхнул некрасивый скандал, продолжала говорить:

– Ваш приход сюда бесполезен. Гриши нет. На наследство вы претендовать не можете, потому что все сроки подачи заявлений давно истекли. Но даже если бы вы успели вовремя оформить права Алины, получать девочке нечего. Григорий работал администратором в роскошном отеле, там за номер просят бешеные деньги, но вот служащим платят отнюдь не астрономические оклады. Настя обычный менеджер в сетевом магазине бытовой техники. У нее, конечно, есть родители, но мать получает скромную пенсию, а отец в придачу к крохотной ренте еще и оклад научного работника средней руки, на такие деньги не попикуешь. У Гудковых нет накоплений, у них даже дачи нет...

На секунду я задохнулась, потом продолжила:

– Ни золота-бриллиантов, ни вкладов в банке у Гриши никогда не было. Пожалуйста, уходите.

Дверь за моей спиной начала приоткрываться, я всем телом навалилась на нее и крикнула:

– Сейчас вернусь! Ребята, не ломитесь!

Но тот, кто пытался распахнуть створку, оказался намного сильнее – меня легко отодвинули, на лестницу вышел Егор. Жених Насти, отнюдь не высокого роста и худой, но он обладал впечатляющими мускулами.

– Чего тут мерзнешь без куртки? – спросил он. – Заболеешь. Всем здрасте!

Катя не издавала ни звука. Я умоляюще посмотрела на Дроздову.

Егор присел перед Алиной и протянул ей руку.

– Я дядя Егор. А ты кто?

Девочка показала пальчиком на муху.

– Птичка.

Егор засмеялся и встал.

– Точно. Орел или курица. Пойду народ веселить, а вы не маячьте на холоде, заходите в квартиру.

– Милый, ты где? – закричала Настя.

– Тут, – ответил жених, распахнул дверь и шагнул внутрь.

Я кинулась за ним, щебеча на ходу:

– Настюша, не выходи наружу. Там сыро, холодно, снег идет.

– На лестнице? – захохотала Настя. – Лампа, ты сколько шампанского выпила? Егорка, я же тебе говорила: Лампуше коктейли не давай, она от любой смеси на раз чумеет.

– Всего-то десяток «Кровавой Мэри» ей дал, – подмигнул мне Егор, – ну еще текилы до кучи и кофейного ликера.

– Никто тебе не поверит, – улыбнулась Гудкова. – Всем известно, что Романова понюхает стакан из-под кефира и закачается. А от перечисленного тобой спиртного затошнит даже медведя. Лампуша, отойди, хочу пакет с мусором к лифту вынести, потом во двор оттащу, когда народ уйдет. Хорошо, что соседей на площадке нет, никто возмущаться не станет.

Но я стоически загораживала собой дверь. Настя громко засмеялась:

– Романова, ты никак облизнула пробку от шипучки? Видишь пакет? Здесь мусор. Ау, Лампудель, очнись!

Я вцепилась пальцами в косяк.

– Давай сюда, сама вынесу. У тебя сегодня праздник, не стоит возиться с грязью в день помолвки.

– О чем вы спорите? – поинтересовалась Лада, выплывая в прихожую.

Ну вот, только ее здесь не хватало.

– Деточка, ты уже уходишь? – выглянул из коридора Илья Николаевич. – Катценвеленбоген! Не забудь о моей маленькой просьбе. Сейчас напомню тебе детали.

Я поняла, что чувствует рыбак, когда его уносит на льдине в открытый океан. Надеюсь все же, что мера отчаяния его не столь огромна, как у меня, окруженной со всех сторон людьми, которые могут услышать за дверью голоса и увидеть Катю с Алиной.

– В тысяча девятьсот втором году... – торжественно завел ученый.

– Фиг с ним, с мусором, – быстро сказала Настя, – пусть пока у вешалки постоит. Мама, мы должны немедленно выпить за твою новую картину!

– Непременно, – засуетилась Лада.

– Немецкий философ Шпригель, – токовал глухарем Илья Николаевич, – тогда совершенно никому не известный, он и Катценвеленбоген...

– Я с вами, – заспешил Егор.

Художница и жених с невестой поспешили в гостиную.

– Вместе с историком Линдом, – бубнил Илья Николаевич, – придумали ось координат философских воззрений, у меня есть отличная иллюстрация. Хочешь посмотреть?

– Мечтаю увидеть ось координат, – заверила я.

– Пошли, она в кабинете, – потер руки Илья Николаевич.

– Вы ее пока отыщите, а я выставлю мусор, помою руки и прибегу, – пообещала я, не отходя от двери.

Илья Николаевич потрусил в коридор, я выдохнула, подхватила полиэтиленовый пакет, вышла к лифту и увидела, что площадка пуста. Катерина с малышкой Алиной испарились. Я поставила пакет у стены и перевела дух. Слава богу, сегодня скандала не случилось. Но мне предстоит рассказать Настене о приходе Дроздовой. Очень надеюсь, что это не станет для нее шоком.

В не самом веселом настроении я вернулась в квартиру, еще раз окинула взглядом вешалку и вздрогнула. На самом последнем крючке висели ключи от машины. Почему вид их заставил меня поежиться? Дело в том, что они принадлежали Грише. Автомобиль покойного стоит в гараже, в двух шагах от дома, а ключи оставались на своем обычном месте, создавая впечатление, что Гудков вот-вот возьмет их и уедет по делам. Почему Настя не продала седан покойного мужа? Наверное, она, несмотря на новый роман, никак не может смириться с потерей супруга, с которым прожила не один год в любви и согласии.

Домой я вернулась поздно. Спать не хотелось, думать о том, как лучше сообщить Настене о наличии у ее покойного мужа внебрачного ребенка, тоже. Поэтому я вошла в Интернет и, вбив в поисковик «Катценвеленбоген», приготовилась собирать урожай. Сначала экран моргнул, потом появилось сообщение: «По запросу «Катценвеленбоген» ничего не нашлось. Есть Каценеленбоген Николай Давидович – советский архитектор, 1879–1943 гг., есть Каценеленбоген Гирш – один из пионеров просвещения Литвы, 1796–1868 гг.».

Я почесала нос карандашом. Второй вариант отпадал сразу – если человек скончался в последней трети девятнадцатого века, он никак не мог написать книгу в начале двадцатого. Первый, Николай Давидович, подходит по возрасту, но он архитектор. И мне все-таки нужен некто Катценвеленбоген. Вряд ли Илья Николаевич ошибся в написании фамилии. Отец Насти во всем, что касается науки, дотошен до крайности. И как мне поступить?

Я покосилась на часы, посмотрела на храпящих в унисон собак. Неприлично беспокоить даже друга за полночь, но пальцы сами собой уже тыкали в кнопки телефона.

– Привет, Лампуша! – бодро, несмотря на позднее время, отозвался Веня Греков. – Надеюсь, у тебя ничего не стряслось? Макс в порядке, он мне прислал сообщение, что его не съели ни тигры, ни львы, ни наш клиент. В Занзибаре сейчас тепло. Эх, и почему я живу не в Африке!

– Венечка, помоги, пожалуйста, – взмолилась я, – ты ас компьютерных технологий, гений мышки, повелитель клавиатуры!

– Грубая лесть не заменяет гонорар, – хмыкнул приятель, – мзда принимается в жидком виде, желаемая градусность в районе сорока. Что надо?

– Катценвеленбоген, – выдохнула я.

– Вас ист дас? – удивился Веня. – Город?

– Человек, – грустно ответила я и рассказала о задании Ильи Николаевича.

Вениамин, не прерывая, выслушал мою речь, произнес:

– Ладно, – и повесил трубку.

Я стащила с кровати мопсик, легла под одеяло и тут же задремала.

Говорят, что по снам легко можно понять, как у вас обстоит дело со здоровьем. Ну, допустим, вам привиделся медведь, который душит вас и не дает дышать, – вероятно, этот кошмар предупреждает о начинающейся астме. А вот о чем свидетельствует сновидение, во время которого я, неся на груди камень, а на голове бетонный блок, путешествую по помойке рыбозавода?

Я попыталась сесть, но потерпела неудачу. Вопреки всякой логике булыжник и здоровенная плита из сна никуда не делись, а «аромат» кильки парадоксальным образом стал совсем уж невыносимым.

Я с трудом разлепила веки. Так! На моей груди нагло развалилась Фира, сверху на подушке вольготно расположилась Муся, морды мопсик почти вплотную придвинуты к моему лицу, пасти открыты...

Спихнув охамевших собак к стене, я с негодованием воскликнула:

– Что вы ели? А? Отчего воняете, словно...

Достойного сравнения не нашлось. Я встала и нашарила тапки. Запах приобрел объем, казалось, смрад можно пощупать руками. Зажав нос ладонью, я пошла на кухню и обомлела.

Пол неровным ковром покрывали темно-коричневые обрывки, бумага была перемешана с останками сушеной рыбы. Собственно говоря, от еды, которую некоторые люди считают чудесным лакомством, остались ошметки кожи с чешуей, кости и обглоданные головы – и все это в невероятном количестве. Понятно, почему от мопсик исходит запах отходов плавучей фабрики по переработке селедки, – они нашли пакет с воблой и слопали ее. Одно недоразумение разрешилось, зато ему на смену явилось другое: откуда в нашем доме закуска к пиву? Ни я, ни Макс не любим такую снедь, Капитолина к ней тоже не притронется. И я готова спорить на что угодно, хоть на миллион

долларов, которого у меня нет и не предвидится, воблы на кухне не было. Никогда!

Следующие два часа я убирала кухню, потом старательно мыла собак, задавая им вопрос:

– Свиньи, где взяли вкусняшку?

Ответа я не дождалась. Муся и Фира чихали, фыркали, отчаянно плевались зубной пастой, которую я выдавливала им в пасть, и не собирались признаваться. В конце концов, устав, как учительница младших классов после похода с детьми в зоопарк, я заперла псов в гостевой комнате и решила вознаградить себя чашечкой кофе с булочками.

Естественно, не успела я сесть к столу и протянуть руку к выпечке, как раздался телефонный звонок. На том конце провода оказалась Ника Баранова, соседка, живущая в квартире двумя этажами выше.

– Лампочка, солнышко, сделай одолжение, выгляни на балкон, – попросила она.

Я удивилась, но выполнила просьбу – пошла в гостиную, вышла на просторную незастекленную лоджию и доложила:

– Стою там, где ты велела. И что?

– Посмотри внимательно, – затараторила Ника, – не валяется ли где пакет из желто-коричневой бумаги с рыбой внутри?

У меня екнуло в груди.

– Повтори еще раз!

– Моему Николаю подарили лещей, – зачастила Ника. – Толстых таких, жирных. Приятель в Ростов скатался, ну, и привез. Коля рыбу на лоджии сложил. Сегодня я хотела коллег на работе угостить, а лещи исчезли. Вот, думаю, может, их к тебе ветром занесло? Дует с вечера не по-детски!

– М-м-м, – пробормотала я.

– Понимаю, о чем ты думаешь, – вещала Ника, – подо мной балкон Анны Григорьевны Соломатиной, но у нее там ничего, кроме дерьма, нет.

– М-м-м... – протянула я.

Ника захихикала.

– Про дерьмо я говорю в прямом смысле. До тебя я звякнула Соломатиной. Она очень приветливая, милая женщина, кинулась сразу смотреть. А на балконе вдруг начала ругаться. Я прям обалдела, не ожидала от Анны Григорьевны такого знания русского фольклора. Короче, рыбы у нее не оказалось, зато нашлись какашки.

– Какашки? – почти в полубомороке повторила я. – Невероятно!

Ника развеселилась еще больше:

– Бедная тетя Аня! Она раз сто меня спросила: «Кто мог напакостничать на моей территории?»

– Может, это голуби? – промямлила я.

– Скорей уж летающие Полканы, – захохотала Баранова. – Гуано сильно смахивает на собачье. Так что с пакетом?

– М-м-м... – снова протянула я растерянно, – что-то здесь не видно кульков.

– Значит, вороны уволокли. Вот мерзотные птицы, натуральные гадюки! – возмутилась Ника. – Извини, Лампуша, за беспокойство.

Я относительно спокойно пробубнила:

– Ерунда, звони, если что.

Не успела я положить трубку на стол, как телефон снова затрезвонил. На этот раз я услышала тихий, интеллигентный голос Соломатиной:

– Евлампия, доброе утро.

– Здравствуйте, Анна Григорьевна, – ответила я. – Если вы опять беспокоитесь по поводу топота, то мне он совершенно не мешает, пусть ваш внук бегает сколько хочет.

– Евлампия, дорогая, ты чудесный человек, – вздохнула Соломатина, – я очень благодарна тебе за понимание. Подростку на месте не усидеть, легче удержать намавленную бутылку, чем Ванечку, он ни секунды в спокойном состоянии не находится. Но сейчас речь не о нем. Ты же разбираешься в животных? Пожалуйста, зайди ко мне, очень нужен совет знающего человека.

Я быстро поднялась на этаж выше и увидела в проеме двери монументальную фигуру Соломатиной.

– Загадочное происшествие! – воскликнула она. – Звякнула мне Ника, попросила выйти на лоджию...

Я еще раз выслушала историю про пакет с рыбой и осторожно поинтересовалась:

– Чем я могу помочь?

– Дверь на балкон я всегда держу закрытой, – рассказывала Соломатина, – собак-кошек не имею, у меня на них аллергия. Апчхи! Прости, дорогая, со вчерашнего дня я чихаю безостановочно, но ни насморка, ни температуры нет. Не волнуйся, это не заразно, организм реагирует на какой-то аллерген. Вот наградил господь болячкой! О чем я говорила?

– О балконе, – терпеливо напомнила я.

– Ах да! – опомнилась соседка. – Кто мог на моей лоджии набезобразничать? Некому там разбойничать! Откуда тогда «визитная карточка», а? Посмотри, пожалуйста, авось сообразишь, кто автор.

Мне стало смешно:

– Нет проблем, Анна Григорьевна. Но сомневаюсь, что по виду, так сказать, отходов жизнедеятельности я сумею определить вид птиц, залетающих на ваш балкон.

– Я уже тщательно вымыла пол, – замахала руками Соломатина, – с дезинфекцией. Ты просто подумай, ну как туда могла попасть зверюга большого размера. Уж извини за подробности, но куча была внушительной, ни голубю, ни воробью, ни вороне такую и за год не соорудить.

Я двинулась за безостановочно бубнившей Соломатиной, вышла на балкон и не сдержала удивления:

– У вас же здесь все застеклено!

– То-то и оно! – воскликнула соседка. – А кучка лежала ровнехонько посередине, я сразу на нее наткнулась, когда по просьбе Ники сюда вошла. Конечно, я сглупила, надо было сразу ей сказать: «Вероничка, рыбу никак не могло к нам сдуть, наша лоджия как аквариум».

– М-да, пакету сюда никак не попасть, – протянула я. Села на корточки и вдруг увидела прилипшие к глиняному кашпо с фикусом черные волоски.

– Вы завели собаку? – спросила я, взяв пальцами шерстинки.

– Абсолютно исключено! – запротестовала старушка. – Я погибну от аллергии. Апчхи! В доме только я и Ванятка. Кто мог нахулиганить, а?

Я уставилась на черные волосинки, еще раз оглядела наглухо застекленную лоджию с крохотной, слегка приоткрытой форточкой и пробормотала:

– Вероятно, мимо пролетал... э... большой экзотический попугай...

– Полагаешь? – усомнилась Анна Григорьевна.

Но я уже успела прийти в себя и начала вдохновенно плести историю:

– Стопроцентно. Сейчас многие увлекаются экзотами. Знаете Юрия Петровича с пятого этажа?

– Иногда в лифте сталкиваемся, – кивнула соседка.

– Вот у него есть большая птица, вроде орла, – выболтала я чужую тайну. – Юрий попросил у меня телефон ветеринара, врач Паша побывал у него, а потом рассказал мне про здоровенное пернатое с размахом крыльев больше метра. У Юрия одна комната в вольер переделана!

Анна Григорьевна перекрестилась:

– Не дай бог никому такого зятя.

Я воодушевилась еще сильнее:

– Представьте, что такая птаха улетела от доброго хозяина, захотев свободы. Наверняка монстр пропорхал по району, заглянул на балкон к Барановой, упер пакет с рыбой, затем пролез к вам через форточку, нахамил и смылся.

– Ужасная история! – испугалась Соломатина. – Я слышала, что некоторые хищные птицы уносят в гнезда детей. Спасибо, Лампа. Непременно законопачу на лоджии даже щелки. И поставлю капкан. Не знаешь, где они продаются?

– Понятия не имею, спросите в зоомагазине, – посоветовала я и ушла.

Дома я первым делом выпустила из гостевой рыдающих от негодования мопсов, выщипнула у Фиры со спины клочок подшерстка и сравнила его с волосками, обнаруженными на балконе Соломатиной. Чтобы получше исследовать образцы, я схватила со стола Макса лупу и пришла к выводу: шерстинки идентичные. Конечно, для полной уверенности надо сделать анализ ДНК, но я и на основании простого визуального осмотра потеряла все сомнения: шерстинки определенно принадлежат Фире.

Я схватила мопсиху за толстые бока.

– Немедленно объясни, как ты ухитрилась попасть сначала на балкон к Барановой, спереть там упаковку с лещами, потом заглянуть к Соломатиной, накатать у нее на балконе, вернуться домой и сожрать рыбу?

Фира обиженно засопела, Муся, сообразив, что я вовсе не хвалю ее подругу, поджала хвост, опустила уши и приняла вид самой несчастной на свете собаки.

– Можешь не стараться, – процедила я сквозь зубы, – ни на миг не поверю в твое раскаяние. Уйдите с глаз долой!

Глава 5

Мопсихи исчезли со скоростью пули, я вышла на балкон и задрала голову, приказав себе: спокойно, Лампа, попытайся рассуждать здраво.

Вчера, ложась в кровать, я оставила квартиру в идеальном порядке. Никакими лещами не пахло, простите за глупый каламбур. Зато к утру рыбой воняло по полной программе. Следовательно...

Я вернулась в гостиную и села в кресло. Не знаю, как вам, а мне трудно представить Фиру, которая, цепляясь когтями за внешнюю стену дома, как паук, карабкается вверх, на балкон к Барановой, а потом, сжимая в зубах мешок с лещами, спускается и проникает на лоджию к Соломатиной, чтобы использовать ее в качестве сортира. Скорее Фируся слопала бы добычу на месте. Да и как мопсиха пролезла в форточку? А откуда узнала про вкуснятину в доме Ники? Почуяла по запаху? Звучит фантастично. Как, впрочем, и вся история с балконами.

Но я часто занимаюсь расследованиями и великолепно знаю: надо верить не своим ощущениям, не показаниям свидетелей, а только уликам. Я могу ошибиться и принять белое за черное, могу поверить словам людей, но они часто врут, а вот вещественные доказательства всегда правдивы. Сейчас у меня есть шерсть Фиры, обнаруженная на кашпо соседки сверху, и была гора объедков, благополучно выброшенная в мусор. Делаю вывод: Фира преступница. Делаю второй вывод: первый вывод – полнейшее идиотство.

Телефон тихо крикнул, я взяла трубку, увидела эсэмэску от Вени, быстро прочитала ее, открыла ноутбук и, как и обещало сообщение, нашла там письмо:

«Многоуважаемый Вениамин! Позвольте засвидетельствовать вам свое глубочайшее почтение и радость от того, что имею восхитительную возможность пообщаться с исследователем из России, страны, которая является родиной моих предков. В силу обстоятельств мой прадед покинул Санкт-Петербург и поселился в городе Хорхштурмвальде, где до самой своей смерти, последовавшей в одна тысяча тридцать втором году, преподавал в Хорхштурмвальдском колледже историю философии. Наше учебное заведение имеет уникальную библиотеку, где есть один экземпляр интересующей вас книги Катценвеленбогена «Болен Катцен».

Отлично понимая необходимость изучения первоисточника, я тем не менее не могу выслать вам исследование, поскольку оно существует в единичном экземпляре и внесено в каталог библиотеки Хорхштурмвальдского колледжа. Желая помочь коллеге из России, чей труд, несомненно, окажет большое влияние на развитие как истории философии, так и философии истории, я рискну предложить вам два варианта решения возникшей проблемы. Вы приезжаете в Хорхштурмвальд, размещаетесь в местной гостинице и изучаете содержание книги в хранилище. В этом случае ваши расходы составят примерно тринадцать евро в день, учитывая скидку, которую получают наши преподаватели в столовой. Приплюсуйте сюда пять евро, которые придется отдать шоферу Карлу, который встретит вас на вокзале, и учтите, что проживание в отеле составит двадцать евро в сутки. Впрочем, если вы пойдете от вокзала пешком и захотите поселиться в нашем студенческом общежитии, то обойдетесь суммой в три евро – столько стоит место в комнате, дорога пешком через лес не оплачивается. Каждому исследователю, посетившему Хорхштурмвальд, вручается в подарок шарф. Если вы приезжаете десятого мая, то становитесь участником празднования дня рождения колледжа, еда в этот день для всех в столовой выдается даром.

Коли ваш напряженный график не предусматривает командировок, могу предложить выслать ксерокопию книги Катценвеленбогена. В таком случае вам придется перевести на счет нашего учебного заведения, старейшего в Европе, сумму в десять евро. Она пойдет на почтовые услуги, оплату труда лаборанта, бумагу и поддержание рабочего состояния копировального автомата. Мы непременно вышлем вам квитанцию о расходах и подробный финансовый отчет. Если вы сочтете возможным пожертвовать в фонд помощи студентам пять евро,

мы будем крайне вам благодарны и пришлем квитанцию о получении благотворительного взноса и детальный финансовый отчет. Данное отчисление не является обязательным. Если ваше материальное положение не позволяет перевести нам десять евро одновременно, то вполне возможна оплата в рассрочку. Кредит предоставляется на двенадцать месяцев и является беспроцентным. Это мудрое решение Ученого совета Хорхштурмвальдского колледжа и лично нашего ректора господина фон Трабе позволит воспользоваться, образно говоря, бриллиантами нашей библиотеки всем желающим и, безусловно, является замечательным милосердным шагом.

Если вы отец пяти и более малолетних детей, то освобождаетесь от платы на поддержание рабочего состояния копировального автомата и должны прислать всего восемь евро. В таком случае вам нужно отправить нам нотариально заверенные копии свидетельств о рождении всех чад. Если вы тяжело больной человек, то вам достаточно передать три евро, все расходы, кроме оплаты работы лаборанта, колледж возьмет на себя. В этом случае вам следует взять нотариально заверенную справку от вашего личного доктора с указанием точного диагноза. Данный документ считается в Хорхштурмвальдском колледже секретным, хранится с особым тщанием в специальном сейфе, ключ от которого есть лишь у членов Ученого совета и господина ректора.

Пожалуйста, внимательно изучите наши предложения, выберите наиболее подходящий для вас вариант и известите нас о вашем решении.

Примите мои заверения в глубочайшем уважении и пожелание успехов на ниве исследований. Прошу великодушно простить вероятные лексические и грамматические ошибки. Не судите меня строго – увы, язык предков постепенно начинает забываться в моей семье, что приносит лично мне страдания. С большим почтением, куратор-хранитель библиотеки, член Ученого совета, член Попечительского совета, член Комитета помощи малоимущим студентам, член Общества защиты животных и протеста против использования млекопитающих и грызунов в лабораторных исследованиях, преподаватель истории литературы, профессор кафедры философии, помощник господина ректора по связям с учеными в разных странах мира, почетный ключарь, доктор Honoris causa и председатель гильдии церковных звонарей прихода Хорхштурмвальдского колледжа Герберт Краузе-Михайлов».

Я перечитала послание три раза и позвонила Вене.

– Здоровское письмо, – захихикал приятель, – интересные люди живут на свете.

– Ты гений! – воскликнула я.

– А были сомнения? – изумился Вениамин.

– Как ты нашел Катценвеленбогена? – не успокаивалась я.

– Тернист путь к истине... – протянул Веня. – Какая тебе разница?

– Спасибо, дорогой, с меня причитается! – радостно закричала я и быстро набрала номер телефона Насти.

На десятом гудке трубку снял сам Илья Николаевич. На секунду я удивилась – ученый никогда не отвечает на звонки, ему это неинтересно. Как правило, к аппарату подбегает Лада. Она же решает, стоит ли позвать мужа.

– Внимательно слушаю, – торжественно произнес Илья Николаевич.

Я сообщила Петрову о письме и услышала в ответ:

– Детонька, тебя не затруднит занести мне это послание? Я плохо воспринимаю информацию на слух.

Надеюсь, вы уже сообразили, что ответить «Давайте перешлю документ» было невозможно? Не забыли, что Илье Николаевичу неинтересно овладевать компьютерной грамотностью?

Я заверила Петрова, что прибегу незамедлительно. Затем тщательно заперла дверь на балкон, закрыла все окна, форточки и, сказав мопсам:

– Теперь-то вы точно не сможете ползать по внешней стене дома, – покинула квартиру.

Илья Николаевич оказался дома один. Он сразу схватил листок и пошел в кабинет, забыв о моем существовании. Я потопталась пару секунд в прихожей и

уже собралась покинуть квартиру, как вдруг раздался звонок в дверь. Петров никак не отреагировал на звук, да оно и понятно почему. Я посмотрела на экран домофона, увидела страшно серьезного полицейского лет двадцати, удивилась, открыла дверь и спросила:

– Вы к кому?

Юноша откашлялся, а я подавила тяжелый вздох. Интересно, сдают ли кандидаты на должность сотрудника правоохранительных органов какие-нибудь нормативы по физкультуре? Похоже, даже у меня объем бицепсов больше, чем у гостя, который сильно смахивает на комара. И кто ему подобрал фуражку? Головной убор явно размеров на пять больше нужного. Хорошо, что у бравого полицейского отчаянно оттопыренные уши, иначе бы козырек мог оказаться на уровне подбородка.

– Лейтенант Миронов, – отрапортовал «комар», – по поводу сегодняшнего ДТП со смертельным наездом.

– Вы ошиблись, – ответила я, – проверьте номер квартиры, в которую идете.

– Тридцать седьмая, – заявил Миронов, – вон, на двери цифры приделаны.

– Значит, дом не тот, – уперлась я.

– Вызов поступил от Лады Мироновны Петровой, – продолжил лейтенант, – протокол оформлял Неверов Анатолий Михайлович. Да вот же она!

Полицейский показал пальцем на полку, приделанную к вешалке. Я проследила взглядом за его рукой и вздрогнула. На доске лежал странного вида фонарик.

– Лазерная рулетка, – радостно пояснил Миронов. – Неверов сюда поднялся, показания записывал, прибор и забыл. Вещь дорогая, очень удобная, ее не всякому дэпээснику выдают! Направил лучик на объект, и в окошке покажется цифра, указывающая точное расстояние до него. Беготня с сантиметром по дороге не нужна. Мне приказали забрать измеритель. Вы разрешите?

Не дожидаясь ответа, лейтенант шагнул к вешалке и поднял руку.

– Стойте! – крикнула я. – Какое ДТП? Что за показания?

Миронов удивленно заморгал.

– Так утреннее. В пять десять вызов поступил. На улице Воротникова был сбит мужчина. Смертельный исход. Водитель с места происшествия скрылся. Я вообще-то не в курсе, меня за рулеткой направили.

Напрочь забыв про лопоухого парня, я схватила мобильник и соединилась с Настей. Ответил тихий голос:

– Слушаю.

– Настена, что случилось? – закричала я.

– Это Лада. Вы кто? – сказали в ответ.

– Лампа. У вас все в порядке?

– Нет, Лампочка, – устало произнесла художница, – Егор погиб.

– Как? – оторопела я. – Почему? Где?

Ответ женщины заглушил шум подъехавшего лифта. Из кабины вышла Гудкова, за ней медленно плелась мать.

– Привет, – ошарашенно произнесла я.

Настя посмотрела на полицейского и сказала:

– Не могу сейчас давать показания. Потом. Мне без разницы, найдете вы того водителя или нет. Егор умер! Его уже не вернуть! Уходите.

Миронов схватил чудо-рулетку и выскочил на лестницу.

– Настенька, кофейку сварить? – предложила Лада.

– Думаешь, выпьем капучино и Егор вернется? – мрачно поинтересовалась дочь и вошла в ванную.

Я схватила художницу за плечо.

– Что случилось?

Лада опустилась на табуретку, привалилась спиной к стене и прикрыла глаза ладонью.

– Поверить не могу – несколько часов назад Егор ходил по квартире живой, здоровый... Знаешь... Илья Николаевич человек старых правил. Современной молодежи его принципы покажутся смешными, но муж был против того, чтобы Егор ночевал у Насти в комнате. Он говорил мне: «Неприлично, когда в квартире остается человек, который нам, по сути, никто. Очень конфузливо встретиться с ним утром в халатах». Я была совершенно уверена, что Настя одна приводит апартаменты в порядок. Ты же знаешь, какая она! Пока все не отдраит, спать не ляжет. Но, оказывается, Егор не поехал домой, когда ушли гости, он решил помочь невесте, посчитав, что объявление о свадьбе сделало его полноправным членом семьи. Или...

Голос Лады задрожал.

– Прекрати! – одернула мать Настя, выходя из ванной. – Давай без истерик. Из-за твоих слез Егор не вернется. А нам надо решить массу вопросов. Лампа, ты мне поможешь?

– Конечно, – прошептала я.

– Пошли на кухню, – велела Настя.

Я сделала пару шагов по коридору.

– Мне плохо... – проныла Лада.

Я бросилась к ней, но Настя схватила меня за рукав свитера.

– Не надо. Мама самозаводящаяся система – начнем ее жалеть, вызовем врача, ей только хуже станет. Пусть посидит в одиночестве. Когда зрителей нет, у нее истерика быстро проходит.

– Настенька! – подскочила Лада. – Что ты говоришь?

– Правду, мама, – отчеканила Гудкова. – Надоело мне притворяться. А сейчас, со смертью Егора, и необходимость отпала. Все, я устала. Пошли, Лампа, погутаим откровенно.

Лада вскочила и впереди нас побежала по коридору, голося на ходу:

– Лампочка, не принимай в расчет слова Настеньки! У нее шок! Стресс! Ужас! Кошмар! Я сейчас сделаю напиток для успокоения нервов, а не кофе...

– Сама перестань истерить! – крикнула Настя. – Держи себя в руках!

Глава 6

Лада заварила отвратительный чай, гадко пахнущий анисом с ромашкой, и принялась угощать нас. Правда, Настя так взглянула на мать, что та более не рискнула приставать к дочери, зато мне пришлось безостановочно хлебать напиток, похожий по вкусу на микстуру от кашля, которой маленькую Фросю Романову[1 - Почему Ефросинья Романова стала Евлампией Романовой, подробно рассказано в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».] усиленно потчевали все школьные годы. Настя, застыв на стуле, внешне очень спокойная, словно посторонний свидетель, рассказала о случившемся.

Последний гость ушел около часа ночи. Гудкова не могла оставить до утра беспорядок, поэтому начала уносить на кухню грязные бокалы. Во время презентаций картин Лады не подают горячих блюд, только закуски, салаты, фрукты, конфеты и птифуры, маленькие пирожные, которые легко целиком положить в рот. Гудковы вовсе не богаты, им не по карману затевать масштабные праздники с лакеями во фраках. И после того, как последний гость

покинет дом, приводить квартиру в порядок приходится Насте. Илья Николаевич никогда не возьмет в руки ни тряпку, ни веник, а Лада и рада бы помочь дочери, да уже не в состоянии – художница очень эмоциональна, во время приема сильно нервничает, поэтому к полуночи буквально валится с ног. Толку от нее нет, и Настя отправляет мать спать. Как-то раз после очередной презентации, глядя на горы посуды, я предложила Гудковой:

– Может, тебе на следующий праздник купить картонные тарелки и стаканчики? Потом просто выбросишь их, забот будет меньше.

– Для мамы очень важен антураж – фарфор, хрусталь, особые салфетки... – вздохнула Гудкова. – Она не согласится на одноразовый вариант, это ее обидит.

– Хорошая позиция! – выпалила я. – А кто отмывает потом до утра сервизы? Слушай, почему вы в таком случае не купите посудомоечную машину? И давай я тебе помогу, вместе быстрее дело пойдет.

– Папа против, – после паузы призналась Настя. – Он говорит, что это для здоровья вредно, туда слишком много химии насыпать надо. И не стоит мне помогать. Подруга – не домработница.

Теперь вам понятно, почему, проводив гостей, Гудкова ночь напролет торчит у мойки и подметает-моет полы? Но вчера Егор, несмотря на просьбу невесты уезжать, остался, чтобы помочь ей.

– Теперь я твой законный жених, – смеялся Костров, – у Ильи Николаевича нет больше повода смотреть на меня с упреком. Не волнуйся, я буду аккуратно действовать, он не услышит. Хотя очень смешно, что твой отец возражает против моей ночевки у тебя, словно на дворе восемнадцатый век!

До рассвета пара, стараясь не шуметь, наводила порядок. Настя отдраила посуду, а Егор тихонечко подметал комнаты (включить пылесос он не мог, от шума мигом проснулись бы родители Насти). В конце концов они устали. Моя подружка рухнула в кровать, а жених решил вынести мусор. Дом, где живет Гудкова, не имеет двора, из подъезда жильцы выходят прямо на небольшую улицу. Помойка находится дальше, надо пересечь не очень шумную магистраль и пройти до баков метров двести.

Настя умолкла, потом прошептала:

– Я сразу заснула, как в яму провалилась. Когда мама меня разбудила, я не могла сообразить, чего она хочет. Пусть дальше она рассказывает, поскольку в отличие от меня все видела.

Художница кивнула.

– Ужасно! Я себя плохо чувствую уже давно. Здоровье стало не ахти – бессонница замучила. Ночью по сто раз встаю и маюсь, то в кресло у окна сяду, то книжку возьму. Вчера ушла к себе, провертелась под одеялом, потом к окну подошла, стала на улицу глазеть. Смотрю, из подъезда человек с пакетом вышел и к помойке направился...

Лада узнала Егора, поняла, что он, вопреки желанию Ильи Николаевича, остался у них дома, укоризненно цокнула языком – и в этот момент из-за поворота выскочила машина и сбила Кострова. Все произошедшее заняло доли секунды. Автомобиль ударил Егора и исчез. Самое удивительное, что Лада не закричала, не впала в истерику, не лишилась чувств, а кинулась к телефону, вызвала «Скорую» и полицию.

Первыми на место происшествия прибыли стражи порядка. Они были вежливыми и даже попытались оказать Егору первую помощь. Затем примчались медики и увезли пострадавшего. Полицейские составили протокол, для чего поднялись к Гудковой в квартиру. Лишь тогда Лада догадалась разбудить Настю. Вдвоем мать и дочь собрались в клинику, куда доставили Кострова.

– Мы вас подбросим, – неожиданно предложили патрульные.

Когда Настя и Лада приехала в больницу, им сообщили, что Егор скончался во время операции.

– Разрыв печени, – мрачно уточнил доктор, – плюс черепно-мозговая травма. Шансов у бедняги не было.

– Не понимаю, почему я такая спокойная? – вдруг произнесла Настя. – Ни одной эмоции нет. словно сижу в кинотеатре, смотрю глупый фильм. Не могу поверить,

что все случилось в реальности.

– Это посттравматический шок, – прошептала я, – вроде душевной заморозки. Лада, вы не запомнили номер машины?

– Нет, – ответила та, – но сам автомобиль могу описать – «Рено» зеленого цвета.

– Уверены? – напряглась я.

– Абсолютно, – кивнула Лада. – Егор собирался покупать как раз «Рено». Они с Настей пару дней назад ходили в салон, чтобы выбрать модель, и меня с собой прихватили. Я была не в восторге – на мой взгляд, машины походили на чемоданы, но я промолчала, потому что ребятам они понравились. И когда ночью увидела тот автомобиль, сразу подумала: «Вот такой Егорка себе наметил». Я же художник, сразу запоминаю форму и цвет, могу нарисовать модель. Я и водителя описать могу – это была женщина. Думаю, молодая.

– За рулем сидела тетка? – переспросила я.

Лада поморщилась.

– Волосы светлые из-под кепки на плечи падали. Куртка ярко-красная. А вот лицо я не разглядела.

Я замерла, вспомнив, как блондинка Катерина Дроздова, одетая в алый стеганый пуховичок, подбирала с пола ключ с брелоком, на котором было надписано «Рено». Длинные светлые пряди волос падают на плечи из-под кепки, а Алина говорит: «Бибика, зеленая!..»

– Кто занимается расследованием происшествия? – спросила я.

Настя взяла со стола визитную карточку и протянула мне:

– Вот. А тебе зачем?

Я на секунду растерялась. Рассказать Настене про Катерину, которая явилась в гости к покойному Грише с девочкой, до невероятности похожей на

скончавшегося от инфаркта Гудкова? Доставить подруге еще больше страданий, сообщив ей об измене супруга?

У Анастасии и Григория детей не было. Мы никогда не обсуждали с ней тему наследников, но мне всегда казалось, что отсутствие малышей не является в ее семье драмой. Настя никогда не бросала умильных взглядов на чужих ребятишек, не восхищалась ими, ни разу не произнесла: «Жаль, что у меня нет детей». Вероятно, Настя из той категории женщин, которые не испытывают желания стать матерью. А вот то, что супруги любили друг друга, было видно сразу.

Нет, сейчас лучше промолчать о визите Дроздовой. Тем более никаких доказательств того, что Гриша действительно отец Алины, у меня нет. Да, девочка похожа на Гудкова, она рыженькая, с родинкой под подбородком, но это может быть простым совпадением. Сколько на свете людей с огненной шевелюрой! И родинка не редкость.

Настя продолжала с недоумением смотреть на меня.

– У Макса много знакомых в системе МВД, – нашла я нужный ответ, – хочу убедиться, что дорожным происшествием будет заниматься ответственный сотрудник, который не засунет дело подальше и благополучно забудет о нем.

– А-а-а, – протянула Настя, – плевать.

Я растерянно заморгала.

– Плевать, – повторила Гудкова. – Егора уже не вернуть. Даже если эту бабу найдут, в чем я сильно сомневаюсь, Гоша не оживет. И ничего ей не будет.

– Она убила человека! – возмутилась я. – Вероятно, была пьяной.

Настя усмехнулась:

– Пока мадам обнаружат, из нее весь хмель улетучится, анализ промилле не покажет. А хороший адвокат отмажет мерзавку, скажет на суде: «Пострадавший господин Костров шел в неположенном месте, не по «зебре», там нет ни

светофора, ни знака «пешеходный переход», покойному следовало пересекать дорогу по правилам». Потом законник покажет всякие справки об иждивенцах, которые есть у водительницы. В общем, гиблое дело. Помнишь, как произошло с Сеней Ромашиным?

Я кивнула.

Наш общий приятель Семен сбил подростка, который бежал поздним вечером в дождь через мост. У паренька на голове были наушники, в них громко играла музыка, вот он и не услышал шума приближающейся машины. А Сеня не ожидал, что из серой пелены ливня прямо перед капотом возникнет человек. Мальчик скончался на месте, но Ромашин избежал наказания – он ехал, соблюдая правила, а вот пострадавший их нарушил.

– Все равно я хочу убедиться, что полиция предпримет все возможное для поисков машины, – не сдалась я.

Настя пожала плечами, ничего не ответив.

– Очень хорошо, деточка, что ты еще не ушла, – заявил Илья Николаевич, входя на кухню. – Я изучил письмо насчет Катценвеленбогена. Вот тебе деньги, сделай одолжение, сходи на почту и отправь их в Хорхштурмвальдский колледж. Но только срочно! Телеграфным переводом. Интересно, как долго платеж будет идти? Раньше он добирался за сутки. Мне срочно нужна книга «Болен Катцен». Без нее работа не движется.

Меня покорила жизнерадостный тон Петрова. Не очень-то уместно демонстрировать радость в день, когда трагически погиб молодой человек, за которого твоя дочь собиралась выйти замуж. Но что поделать, Илью Николаевича не волнует никто, кроме него самого. Его уже поздно перевоспитывать, он таков, каков есть.

Я взяла купюры.

– Не беспокойтесь, Герберт Краузе-Михайлов получит перевод максимум через час.

– Восхитительно! – обрадовался Петров. – Зря говорят, что в стране полнейшая разруха. Телеграф исправно служит гражданам.

Я кивнула. Ну не объяснять же Илье Николаевичу про безналичную интернет-оплату?

– Молодец, Лампа, очень хорошо сработала, – продолжал нахваливать меня ученый. – Никто до сих пор не проявлял столь замечательной оперативности. Теперь буду обращаться исключительно к тебе.

Я закашлялась. Может, не стоило столь быстро сообщать Илье Николаевичу о послании из колледжа? Лучше бы мне притащить ответ хранителя библиотеки через неделю, а не демонстрировать усердие. Оно, как известно, наказуемо.

– Хочу лечь! – резко сказала Настя и, не попрощавшись, ушла.

Я еще минут десять слушала пылкую речь Петрова о том, как продвигается работа над докторской диссертацией, затем откланялась. Вышла на улицу, набрала указанный на визитке телефон:

– Неверов слушает, – раздалось из трубки.

– Здравствуйте, Анатолий Михайлович, у меня есть информация о ДТП на улице Воротникова.

– Говорите.

– Не по телефону, – решительно заявила я.

Неверов помолчал, потом без всякого энтузиазма ответил:

– Ну, подъезжайте. Желательно до часа дня, потом я буду занят.

Переименование милиции в полицию никоим образом не отразилось на интерьере служебных помещений. Я прошла по длинному узкому коридору со стенами, выкрашенными серо-синей краской, миновала несколько стендов, один из которых почему-то был посвящен спасению утопающих, и очутилась в

довольно просторной комнате, там противно пахло чем-то кислым. В углу, у окна, за серым канцелярским столом сидел тощий мужчина в свитере.

– Вы ко мне? – устало спросил он.

– Евлампия Романова, – представилась я, – ищу Неверова.

– Уже нашли, – вздохнул полицейский, – говорите.

Я без приглашения села на холодный пластиковый стул и рассказала хмурому дядьке про визит Дроздовой.

Анатолий Михайлович ни разу не перебил меня, вопросы он начал задавать, когда я замолчала.

– Значит, вы считаете, что за рулем сидела гражданка Дроздова?

– Вероятно, да, – кивнула я.

– На основании чего вы делаете такое заявление? – продолжал Неверов.

Я стала загибать пальцы:

– Красная одежда, брелок с ключами от «Рено», светлые волосы, кепка на голове.

Неверов почесал висок.

– Вот тут у меня заявление от гражданки Колосовой М.Е. Ее «Жигули», стоявшие на улице Михалкова, злостно поцарапала ключом блондинка в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, худощавого телосложения, стрижка короткая, одета в джинсы и черную куртку. Зачем вы, гражданка Романова, над чужой тачкой поиздевались, а?

На секунду я оторопела, потом не смогла скрыть возмущения:

– Вы что? Я даже не знаю, где находится эта улица! И не имею замашек вандала! Зачем мне уродовать чужой автомобиль?

Анатолий Михайлович обнажил в улыбке гнилые зубы.

– По описанию вы прекрасно подходите. Ну, поняли теперь, что одежда – не примета?

– Сейчас повсюду много камер, – не успокаивалась я, – а наезд произошел на улице, где есть пара магазинов. Просмотрите записи их наружного наблюдения.

– Ну и?.. – спросил Неверов.

– Вероятно, в объектив попал номер машины, – зачастила я. – Еще можно с помощью аппаратуры выделить шофера, прогнать изображение по базе.

– Какой? – не понял полицейский.

Я снисходительно взглянула на него.

– Программа распознавания лиц. Она поможет...

Анатолий Михайлович расхохотался:

– Сразу понятно, какими телесериалами вы увлекаетесь! Нет у нас новомодных примочек. Анализ крови на алкоголь в лаборатории сделать не допросишься. Спасибо вам за сигнал, непременно проверю Дроздову. Жаль, что вы не знаете отчества и года рождения гражданки.

– У нее есть дочь, Алина, – добавила я.

– И ее тоже изучу, – с самым серьезным видом пообещал Неверов. – Идите спокойно домой или на работу. Еще раз примите благодарность за проявленную бдительность и гражданскую ответственность, вы очень помогли в расследовании. До свидания.

Глава 7

Я выскочила из кабинета, не отказав себе в удовольствии стукнуть изо всей силы дверью о косяк. Наивно ожидать, что, изменив название структуры, можно таким простым способом превратить ленивых, безынициативных, не желающих работать сотрудников во вдумчивых, равнодушных к чужой беде профессионалов. Если человек мент, то он им и останется, даже получив на лоб печать «суперполицейский».

Кипя от негодования, я позвонила Вене и спросила:

– Можешь найти Катю Дроздову?

– Хороший вопрос, – ответил парень. – Отчество? Возраст?

– За тридцать, – пробормотала я, – худенькая, блондинка. Имеет дочь Алину, той лет семь-восемь. Вообще-то я плохо определяю на взгляд возраст как детей, так и взрослых, но сразу поняла: девочка отстает в развитии, ей по уму и трех еще нет. Дроздова владеет машиной «Рено» зеленого цвета. Это все.

– Не густо, – протянул Вениамин, – но можно попробовать. Что у тебя случилось?

Я рассказала про Егора и свою беседу с противным Неверовым. Греков развеселился:

– Лампа, ты даешь! Рядовому менту брякнула про программу распознавания лиц...

– У вас в лаборатории она есть, – надулась я.

– Как-нибудь поинтересуйся у мужа, сколько денег ему стоило установить и отладить систему, – продолжал веселиться Веня. Потом вдруг стал серьезным. – Интересно, полицейские догадались взять одежду погибшего на анализ? На ней вполне могли остаться частички краски автомобиля. Ты не в курсе, на месте ДТП работали эксперты?

– Полагаю, нет, – снова разозлилась я. – Милейший Анатолий Михайлович явно не намерен совершать никаких телодвижений, основная его задача, сразу видно, – побыстрее сплавить дело в архив. По мнению Неверова, тут все ясно: мужчина переходил дорогу в неположенном месте, поэтому сам виноват. Точка. Но мне кажется странным совпадением появление Кати, а потом происшествие с Егором. Может, Дроздова нарочно наехала на него?

– Ну, Лампудель, не усложняй, – забубнил Веня. – С какой стати ей убивать Кострова? Они не знакомы.

– Откуда такая уверенность? – зашипела я. – Не нравится мне это на первый взгляд банальное ДТП. Зачем Катерина искала Гришу, а?

– Нелогично приезжать к Григорию, а потом давить Егора, – перебил меня Веня. – Сама сказала: Дроздова понятия не имела, что муж Насти умер. Вдруг Гудков у нее деньги брал?

Я испытала огромное желание рассказать Грекову про почти фотографическое сходство умственно отсталой девочки с Гришей, но удержалась. Если Гудков изменял жене, то не надо об этом сообщать всем знакомым. Вениамин в хороших отношениях с Настей – они познакомились пару лет назад на дне рождения Макса и с той поры прительствуют. Гудкова тяжело переживала кончину супруга, улыбаться начала, только когда встретила Егора. И вот новое несчастье...

– Гриша получал небольшие деньги, – продолжал Веня. – Настя тоже не зарабатывала золотые горы, но жили-то они хорошо. У Ильи Николаевича есть шофер, квартира у семьи громадная, на коммунальные услуги небось круглая сумма улетает. Вдруг Гудков одолжил у той Кати еврики, обещал вернуть через год, а когда в назначенный срок не появился...

– Если тебе трудно поискать Дроздову, то не надо, – перебила я Веню, – сама найду!

– По кулинарной книге? – еще больше развеселился Греков. – Не дуйся, я уже работаю, шарю по базе ГИБДД. Можешь радоваться: тут есть Екатерина Михайловна Дроздова, которая владеет изделием французского автопрома цвета «бирюзовая лагуна».

– Быстро диктуй адрес! – потребовала я. – Прямо сейчас к ней помчусь. Хотя, может, лучше дождаться вечера? Вероятно, Екатерина на службе.

– Отправляйся без задержки, потому что не скоро до ее дома доберешься, – с деланой серьезностью посоветовал Веня. – Кстати! Как ты поедешь?

Я стала описывать будущий путь:

– Сначала переулками выберусь на улицу Друкова, затем на МКАД...

– Только не на Друкова, – остановил Веня, – там офигенная пробка.

– Нет, я смотрю на карту, она окрашена зеленым, – возразила я, – никаких заторов не вижу. Давно подключилась к автомонитору, это очень удобно!

– Послушай умного опытного водителя, – снисходительно перебил меня Греков. – Вчера я как раз попал на Друкова и застрял на два часа. Там, ближе к кольцевой дороге, открывали очередной торговый центр. Одного не пойму: зачем нам их столько? Устроили, е-мое, праздник – оркестр, парад, люди на ходулях, воздушные шарик. Все супер, а про парковки, как водится, забыли. Народ тачки на проезжей части в три ряда поставил.

– Это было вчера! – напомнила я.

– И сегодня туда соваться не стоит! – сказал Греков. – Ну, пока, я погнал в лабораторию.

Я поставила мобильник в специальный стакан на торпед.е, выбралась на перекресток и, не задумываясь, повернула налево, где начиналась улица Друкова. Может, Вениамин и простоял здесь вчера минут пятнадцать, не верю я в двухчасовую пробку, но сегодня магистраль на экране моего сотового окрашена в радующий глаз цвет сочной весенней травы. Сейчас полечу птицей!

Нажав на газ, я стала нахваливать себя. Молодец, Лампа, загрузила в телефон программу, сообщающую о заторах, и теперь не знаю горя. Вокруг никого, только впереди справа тащится «Газель» темно-коричневого цвета. Какая-то она необычная, нелепо раскачивается и ползет со скоростью черепахи. Хорошо хоть,

машина не устроилась слева, а то встречаются горе-водители – сидят в ушанках, навалившись на руль всем телом, вытянут шею, пытаюсь увидеть край капота, а то, что происходит по бокам, их категорически не волнует, «несутся» со скоростью десять километров в день в крайнем левом ряду и очень недовольны, когда ты им сигналишь. А эта «Газель» расположилась там, где и положено тихоходам. Нет, она определенно очень странная – крыша остроконечная, украшена красно-синим орнаментом, из двери кузова зачем-то свисает длинная веревка, и номера нет. А колеса! Ни разу не видела таких. Они приделаны к длинным палкам и не вертятся.

Я прибавила газу и стала догонять оригинальный мини-грузовичок, а тот вдруг подал левее. Я испугалась, начала тормозить. Но дорога шла под уклон, а справа, словно по приказу злого волшебника, появилось маршрутное такси. В полном ужасе я вжала педаль тормоза в пол, моя «букашка» замерла. А вот «Газель», сзади которой энергично болталось нечто, смахивающее на трос, неожиданно попятилась. Я загудела, но поздно. Большой темный предмет надвинулся почти на лобовое стекло, послышался противный звук, похожий одновременно на скрежет и скрип. Моя малолитражка перекосилась, я плюхнулась грудью на руль и закрыла глаза.

– Тетенька! Эй, тетенька, вам плохо? – закричали сбоку.

Я выпрямилась, увидела за стеклом девочку-подростка лет пятнадцати, осторожно открыла дверцу и высунулась наружу.

– Тетенька, вы живы! – обрадовалась школьница. – Чес слово, это случайно вышло! Маффин дурак, идиот, скотина! Его можно палкой лупить, по морде фигачить, за щеки щипать, все равно по-своему поступит. Я как увидела, что он влево сдает, прям изоралась вся, испинала Маффина, а он назло мне еще и назад попер. Что у Маффи в голове творится, никто не знает. У него вместо мозга тухлый творог. Я папе сказала: «Не хочу с придурком дела иметь». А отец разозлился, речугу толкнул, типа дети обязаны старшим помогать, иначе они дряни жуткие. Я совсем не виновата в том, что с вашей машинкой случилось!

Я постаралась прийти в себя. Так, Лампа, не впадай в истерику, ничего страшного не произошло. Ты жива, девочка тоже чувствует себя прекрасно. За рулем темно-коричневой «Газели» сидит гастарбайтер, он, наверное, из Средней Азии, имечко Маффин не русское. Я сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и спросила:

– Тебя как зовут?

– Ира Маркова, – представилась школьница.

– А я Лампа. Маффин не пострадал? – я решила осторожно выяснить обстановку.

– Что ему сделается, уроду среднеазиатскому! – вспыхнула девочка.

Я выкарабкалась из «букашки».

– Ира, на мой взгляд, не очень хорошо так говорить о своем спутнике. Пусть он не очень умен, может, плохо изъясняется на русском языке...

– Кто? – засмеялась Ира. – Маффин? Он даже ни слова не произносит. Вас правда Лампой родители называли? И в паспорте так?

– В паспорте Евлампия, – уточнила я, – но давай лучше займемся неприятным происшествием. Попроси Маффина выйти на дорогу, надо вызвать ГАИ.

– Вы чего, не поняли? – заморгала Ирина. – Поглядите направо.

Я повернулась в сторону странной «Газели», краем глаза заметила, что на тротуаре начинает скапливаться народ, и внезапно увидела, что на капоте моей несчастной малолитражки сидит... верблюд.

– Ой, мама! – непроизвольно вскрикнула я. – Это кто?

– Так Маффин же, урод фигов, – пояснила Ирина.

Тут только до меня дошло, что остроконечная крыша машины с красно-синим орнаментом на самом деле горб, украшенный ковриком, веревка, привязанная к кузову, – хвост, а никакого кузова нет и в помине. Почему я не поняла, что странная, медленно передвигающаяся «Газель» на самом деле верблюд? А вы ожидаете увидеть в Москве холодным ветреным днем в самом начале весны «корабль пустыни», который шагает по проезжей части? У нас и лошади-то редкость. Раньше, в моем детстве, в столице России была конная милиция, но я

уже давно не встречаю полицейских на лошадях.

– Как он сюда попал? – в полном недоумении спросила я.

Ирина сморщила нос и начала быстро-быстро говорить.

Пока девочка сыпала словами, толпа на тротуаре все росла, люди вытаскивали мобильники и делали снимки. Чисто по-человечески я их понимала, не каждый день встретишь на улице животное, которое с комфортом уселось на автомобильчик. Но как хозяйку маленькой, невинно пострадавшей машинки, меня злило всеобщее внимание. Вдобавок на дороге образовалась пробка, шоферы притормаживали, высовывали из окон руки с телефонами, потом бодро кричали:

– Сейчас прикольную эмэмэску сброшу!

Мне захотелось убежать куда подальше, а вот Иру то, что она оказалась в центре внимания, не смутило, она продолжала тараторить, и меньше чем за пять минут я узнала суть дела.

Отец девочки владеет несколькими пони, которые катают детей. Милая забава, но родители не готовы выкладывать за нее много денег. Последний год Павел Марков не имел никакого дохода, вся прибыль уходила на содержание мини-лошадок. В декабре один из приятелей позвонил Маркову с вопросом:

– Хочешь молодого верблюда из хорошей семьи? Его купил один олигарх для развлечения своей дочки, но сейчас ее отправили учиться за границу. Маффин умный, воспитанный, интеллигентный, просто лорд. Папаша отдаст его даром вместе с запасом корма на год. Бери, пока предлагают. Пони всем надоели, они в Москве почти как собаки стали. А на верблюде ты денег заработаешь.

Нет бы Павлу подумать, что действительно милое животное не станут выставлять из дома. Нет, Марков страшно обрадовался выпавшей удаче. Его даже не смутило то, что богатый человек до кучи дарит грузовик корма для горбатого красавца. Правда стала выясняться постепенно, зато сейчас она известна в полном объеме.

Маффин вредный, обидчивый, противный самец, не собирающийся даже прикидываться приятным. Вернее, на людях он ангел во плоти, безропотно катает малышей, позирует перед фотоаппаратами и с самым разнесчастным видом выпрашивает подачки.

– Бедный верблюдик, ему хочется кушать, – сюсюкают люди, запихивая в бездонную пасть Маффина разные вкусности.

А тот и рад, слопает печенье и скашивает глаза на добрую тетю, словно хочет сказать: «Еще есть?» Но едва Ира берет Маффина под уздцы, чтобы вести домой, как тот превращается в настоящее дьявольское отродье. Девочку верблюд ненавидит всей душой, и она платит ему той же монетой.

Сегодня Павел приказал Ире притащить зловредного Маффина к новому торговому центру, открывшемуся вчера.

– Народ поперет по лавкам, увидят красавца, захотят покататься, – радовался отец.

Дочь попыталась отвертеться от мероприятия, сказала:

– Почему только я с Маффином таскаюсь? Пусть Юрка один раз из-за компьютера вылезет.

– Твоему брату еще не исполнилось четырнадцати лет, он не имеет пока права с ездовым животным один управляться. Не перечь отцу, лентяйка! – разозлился Павел.

Ирина подчинилась, но настроение у девочки упало ниже плинтуса. А у Маффина явно есть задатки экстрасенса – если Ира устала, раздражена или плохо себя чувствует, верблюд выделяет особо гадкие коленца. Вот и сегодня он сначала артачился, затем вроде пошел нормально, только очень медленно, потом резко переместился влево, остановился и попятился назад, пока не сел на капот машины госпожи Романовой.

Главное, ни при каких обстоятельствах не нервничать. Глупое это и пустое занятие. Если неприятность еще не случилась, не следует ее предвкушать, а коли уже состоялась, поздно плакать. Что произошло, то произошло, воплями и истерикой положение не исправишь.

– Все в порядке, – бодро сказала я расстроенной Ирине, – сейчас вызовем ГАИ и быстренько оформим документы. Хочешь шоколадку? У меня в двери карман, там лежат конфеты.

Девочка чуть повеселела и начала рыться в моих продовольственных запасах, а я – вот уж невероятно! – с первого раза дозвонилась до полиции.

– Двенадцатая, слушаю. Что у вас произошло? – спросил женский голос.

– Девушка, пожалуйста, пришлите на улицу Друкова наряд ДПС, – вежливо попросила я.

– В чем причина вызова? – поинтересовалась диспетчер.

– На мою машину сел верблюд, – честно ответила я.

В ухо тут же полетели короткие гудки.

– Скоро приедут? – разворачивая шоколадный батончик, спросила Ира.

Я кивнула и предприняла еще одну попытку позвонить, только на этот раз сказала диспетчеру:

– Столкнулись две машины.

Зная, как плохо в Москве с дорогами, я настроилась на многочасовое ожидание и предусмотрительно сфотографировала безмятежно сидящего на капоте верблюда со всех сторон. Мало ли что взбредет Маффину в голову, возьмет и вскочит, убежит прочь. А так у меня есть свидетельство безумного происшествия. Животному, похоже, нравилось внимание, Маффин застыл изваянием, задрал морду и только медленно моргал, когда мой телефон издавал

довольно громкий щелчок.

Едва я завершила фотосессию, как позвонил Веня:

– Лампа, где ты? Хотя можешь не отвечать, я просто уверен, что ты, несмотря на мое здоровое предупреждение, поперлась по Друкова.

– Да, – процедила я.

– Ну, теперь удавишься в пробке, – заржал Веня. – Слушай, там такой прикол! К какому-то идиоту на капот сел слон. Народ в Интернет фотки посбрасывал, ухохотаться!

– Может, герой дня верблюд? – мрачно уточнила я.

– Однофигиственно, – веселился Греков. – Вот кем надо быть, чтобы не заметить на дороге здоровущую тушу? Некоторым горе-водителям не следует ездить по дорогам даже на пассажирском месте. Лови и любуйся!

Вениамин отсоединился, и мне на телефон незамедлительно прилетела эмэмэска. Я неизвестно зачем открыла ее, обозрела гордую морду Маффина и поняла, что могла бы не суетиться, запечатлевая верблюда. Сейчас уже весь Рунет забит изображениями негодника, уютно устроившегося на капоте моей «букашки».

– ГАИ приехала! – завопила Ира.

Я оторвалась от дисплея и увидела двух пузатых мужиков, которые шагали к месту аварии от бело-синего «Форда». Оба красавца держали в руках мобильники – полицейские не избежали искушения заснять не совсем обычное происшествие.

– Что у нас тут? – спросил один.

– Столкновение с верблюдом, – ответила я, – а то не видно?

– ОСАГО есть? – поинтересовался второй полицейский.

– Все документы в наличии, – заверила я, – сейчас достану.

– А у второго участника ДТП? – продолжал допрос гаишник.

– Вы хотите сказать, что у верблюда тоже должен быть полис обязательного страхования? – уточнила я. – А может, еще и КАСКО? Перестаньте нести чушь и займитесь делом.

– Гражданочка, не мешайте исполнению служебных обязанностей, – сердито остановил меня гаишник. – Твое мнение, Леня?

– Кто под зад дал, тот и виноват, – бойко сказал Леонид. – Ну, если только «стопы» у впереди едущего не работали... Надо проверить, как считаешь, Жень?

– Согласен, – снисходительно кивнул Евгений. – Где шофер транспортного средства? Кто управлял тем, кому ты в задницу въехала?

– Я, – пискнула Ирина, делаясь меньше ростом. – Здравствуйте, дяденьки.

– И сколько тебе лет? – прищурился Леонид.

– Восемнадцать, – без запинки соврала она. Но потом добавила: – Очень скоро исполнится.

– Бумаги давайте, – велел Евгений.

– Мои вы уже в руках держите, – буркнула я.

– Ваши, пожалуйста, – потребовал Евгений у девочки.

Та растерялась:

– Ничего у меня нету!

– Вождение без прав, – важно кивнул Леонид. – Придется вас задержать до выяснения личности, если не покажете удостоверение, подтверждающее вашу личность.

– Чего? – жалобно пропищала школьница.

– Дай им паспорт, – посоветовала я.

– Он дома, – всхлипнула Ирина.

– Есть какая-нибудь бумажка, где стоят твои имя и фамилия? – спросила я.

Ирина открыла висящую на плече сумку-планшетку, вытащила оттуда блокнот и протянула толстому гаишнику.

– Тетрадь для занятий по математике ученицы одиннадцатого класса Марковой Ирины, – прочитал тот. И прокомментировал: – Без фото и печати недействительна.

Я заморгала. Полицейские изощренно издеваются над нами с девочкой или они на самом деле уникальные дураки?

– Как оформлять-то? – вдруг поинтересовался Леонид.

– Обычно, – пожал плечами Евгений, – два транспортных средства.

– Он живой, – заявил его напарник, показывая пальцем на размеренно сопящего Маффина, – не механический.

– Твоя правда, – задумчиво протянул Евгений. – Значит, одна из сторон не транспортное средство. Наезд на пешехода. Плохо ваше дело, гражданочка.

Я испугалась, но потом взяла себя в руки и решила беседовать с полицейскими, как с первоклашками:

– Уважаемые господа! Маффин – верблюд. Я согласна с вами, что он не является машиной, но ведь и пешеходом его нельзя назвать. Маффин на четырех ногах, а те, кто перебегает дорогу в неположенном месте, имеют обычно две.

Гаишники уставились на верблюда, а тот замер. Кажется, красавчик даже перестал моргать.

– Чего он не шевелится? – удивился Леня.

– Может, помер? – предположил Женя.

– Мертвецы не сидят, – заспорил Леонид, – а лежат.

– Кроме тех, которые висят, – добавил Евгений. – Оформляем наезд на сельскохозяйственное животное. Помнишь, года два назад мотоциклист въехал в корову?

– Буренка дает мясо и молоко, от свиньи бывает свинина, курица яйца несет, на лошади пашут. А верблюд зачем? – спросил Леонид. – Какова его роль в деревне?

– Не пойму, куда ты клонишь, – протянул Евгений.

– Если неправильно бумаги оформим, опять по шапке получим, – вздохнул его напарник. – Нельзя верблюда называть сельскохозяйственным животным, он в сельском хозяйстве не участвует.

– Значит, домашний зверь, – быстро нашел выход Женя.

– Собака, кошка, черепаха, хомячок, золотые рыбки в квартире живут, поэтому они домашние. А верблюд? – снова заартачился Леня. – Девушка, где ваш Паффин обитает?

– Маффин, – поправила Ирина. – В вольере.

– Во дворе, – важно дополнил Леонид, – значит, ему положено называться уличной зверюгой.

Женя молчал, зато возмутилась Ира:

– Маффин не бродячий, у него есть личный загон и еда хорошая! Папа за идиотом ухаживает!

– Следовательно, животное все-таки домашняя, – кашлянул Евгений.

– Но квартирует-то на воздухе, – уперся Леонид.

– Хорошо, Маффин уличный, – вновь согласился Женя.

– Он хозяйский! – закричала Ира. – Как коза! Она спит в сарае, ест на лугу, но имеет владельца. С Маффи та же история.

Евгений сложил руки на груди.

– Маффин как коза. Коза сельскохозяйственное животное, значит, Маффин тоже.

Я постаралась не расхохотаться. Ай да Женя! Великий мыслитель!

– Но верблюд бестолковый, – занервничал Леонид, – от него пользы как от козла молока.

– Совсем запутались, – вздохнул Евгений. – Маффин не пешеход, не зверь из колхоза, не бродячая собака. Так кто же он?

– Говоришь, эта жуть детей катает? – прищурился Леня.

Ира быстро закивала.

– Значит, Маффин трудящийся верблюд, – провозгласил Леонид, – тягловая сила, наподобие лошади. И, как конь, вполне имеет право считаться рысаком или тяжеловозом. Жеребцы дикими не бывают. Значит...

– А лошадь Пржевальского? – некстати блеснула знаниями Ирина. – Она по пампасам носилась. И зебра тоже вроде коняшки.

– Но Маффин определенно не зебра, – отрезал Женя.

– Точно, – согласился Леня, – полосы отсутствуют, и есть горб.

Мне захотелось захлопать в ладоши. Наконец-то парни достигли консенсуса. Верблюды не зебра, с этим утверждением не поспоришь.

– Но тогда кто он? – задал вопрос Леонид.

– Послушайте, – не выдержала я, – какая разница, домашний Маффин или бродячий? Оформляйте аварию!

– Гражданка Романова, вы не понимаете сложности вопроса, – процедил Евгений. – Речь идет о непростых вещах. ДТП, повлекшее за собой смерть или нанесение стойкого ущерба здоровью сельскохозяйственной живой единицы, предполагает выплату штрафа тем человеком, кто нанес ущерб здоровью скотины.

– Это Маффин мне денег должен! – разозлилась я. – Сам мне на капот сел!

– Маффи нищий, – быстро сказала Ира, – ничего в кармане у него не найдете.

Я покосилась на девочку. Осталось только определить, в каком месте тушки «корабля пустыни» природа создала карман, и можно расходиться.

– Бродячая собака, она... – вещал Женя. – Держите его!

Я снова посмотрела на Евгения и увидела, что Маффин встал, подошел к «Форду» гаишников и начал мерно качать головой.

– А на нашу машину он не плюхнется? – испугался Леня.

– Не имеет права, – прошептал Женя. – Мы при исполнении, такое верблюдское поведение можно посчитать нападением.

Движение на дороге окончательно парализовало, на тротуаре скопилась громадная толпа. Маффин оторвал взор от «Форда», оглядел народ, потом разинул пасть и издал странный звук, похожий то ли на кашель, то ли на рычание.

– Ой, что сейчас будет! – всполошилась Ирина и дернула меня за руку. – Скорей садись на корточки!

Я на всякий случай подчинилась. Маффин дернул шеей и... плюнул на патрульный автомобиль. Огромная шапка бело-серой пены начала стекать по ветровому стеклу. Толпа зааплодировала. Мне захотелось расцеловать Маффина.

– ...! – заорал Леня. – Мы тебя задерживаем за хулиганство. Обплев служебного автомобиля запрещен!

Я захохотала в голос. Маффин наймет адвоката, законник же скажет: «Покажите в Правилах дорожного движения пункт, где написано: «Обплев верблюдами машин ГАИ не разрешен». Нет такого!»

Маффина освободят, он будет раздавать интервью, станет медийным лицом, пойдет в политику, получит кресло в Думе. И какое емкое слово «обплев»! Оцените лексический запас Леонида!

Боковое стекло роскошного джипа, стоящего напротив обомлевших полицейских, медленно опустилось, из окна высунулся абсолютно лысый толстомордый мужик лет сорока и закричал:

– Браток, не стой дубиной! Беги, пока волки позорные тебя не скрутили!

Маффин вздрогнул и ринулся вперед. Я прикрыла глаза рукой. Сейчас верблюд помнет еще пару-тройку машин зевак... Но нет, он очень ловко и аккуратно продвигался вперед.

– Стой, гаденыш! – завопила Ира, кидаясь следом.

– И что теперь? – безнадежно спросил Леня. – У нас побег с места ДТП.

– Гражданочка, проверьте, ваша машина в рабочем состоянии? – попросил Евгений.

К моему огромному удивлению, мотор «букашки» загудел, и она была готова ехать дальше.

– Может, спокойненько того самого... разойдемся? – вкрадчиво предложил Евгений. – Никто не пострадал.

– А капот? – занервничала я. – Хочу получить страховку!

Полицейские переглянулись.

– Мы тебе справочку составим, – пообещал Леонид. – Но без рассказа про чертова верблюда. О'кей?

– Пишите, что хотите, лишь бы ремонт производился не за мой счет, – решительно потребовала я.

Глава 9

Дверь на мой звонок открыл молодой человек лет двадцати, опиравшийся на костыли – левая его нога была закована в аппарат Илизарова.

– Вы из поликлиники? – быстро спросил он. – Жуть, как бабушка капризничает! Сделайте ей укол, пожалуйста.

– Очень сочувствую, но я пришла к Катерине Дроздовой, – сказала я.

– Она в Питере, – ответил хозяин.

– Когда же она успела уехать? – удивилась я.

– Неделю назад отправилась. А что? – спросил парень.

– Не может быть, – возразила я, – вчера я видела Катю с дочкой, разговаривала с ними.

– Олечка, кто там? – проскрипел из недр квартиры старческий голос. – Опять твои приятели? Ногу сломал, теперь шею покалечить решил? Нет моего разрешения на твой уход! Я умираю! Не вздумай бросить тяжелобольного человека!

– Успокойся, ба. Тут Катю ищут, но что-то перепутали, – ответил Олег. И снова обратился ко мне: – Катюха в командировке, и детей у нее нету.

– Девочка, – уточнила я, – по виду лет семи-восьми. А еще Катя владелица «Рено».

– Машина есть, – кивнул Олег, – а ребенка нет.

– Но я вчера видела и Катю, и Алину, – повторила я.

– Алина? – переспросил парень. – Значит, Катька опять подружке тачку отдала. Вот зараза! А мне набрехала, что машина в ремонте. Почему бабы такие вруньи?

– Потому что они нахватались плохих привычек от мужчин, – ответила я. – С кем поведешься, от того и наберешься! Кому Дроздова одолжила машину?

– А почему я должен отвечать? – скривился Олег.

Я достала из сумочки бордовое удостоверение, помахала им перед носом парня и холодно произнесла:

– Автомобиль, оформленный в собственность Екатерины Дроздовой, сегодня рано утром насмерть задавил пешехода. Еще вопросы будут?

– Нет, нет! – быстро сказал Олег. – Но Катька правда в Питере, это легко можно проверить, она в гостинице живет. У нее есть подруга, Верка, а у той дочь Алина, маленько придурковатая. Сестра Веру жалеет, то денег ей сунет, то колеса одолжит. Вы стопудово с Верой говорили.

– Дай ее телефон и адрес, – потребовала я.

– Олег, немедленно закрой дверь! – заскрипела бабка. – Убить меня решил? Дует! Вот мать придет, все ей расскажу!

– Добрая у тебя бабушка, – не удержалась я от комментария.

– Сегодня она еще мирная, – улыбнулся Олег, – ничем не швыряется. Адрес и телефон Веры я не помню, но могу рассказать, как ее найти. Идите по нашей улице до конца. Увидите последнее здание, там на первом этаже кафе, называется «Лейла», войдете в подъезд, Верка живет на чердаке.

– Где? – удивилась я.

Олег округлил глаза.

– Я в чужие дела никогда не лезу, но иногда кое-что случайно слышу. Катька с Веркой часто по телефону болтают. Скворцова с мужем развелась – она ему изменила, а тот узнал и выгнал бабу. Правильно сделал! Вроде Веркин супруг художник, он ей и дочке свою мастерскую отдал.

– Фамилия Веры Скворцова? – уточнила я.

– Ага, – кивнул Олег. – Прикольно получилось: моя сестра замуж вышла и стала Дроздовой, подружка у нее Скворцова, а наша с Катей мать до кучи по мужу Валентина Петровна Воробьева. Угореть, сплошные птички!

– Или ты дверь захлопнешь, или я тебя в окно выкину! – громогласно пообещала бабушка.

– Зоопарк у нас, – засмеялся Олег, – притон умалишенных. Нормальных в семье нет, все с прибабахом. Кроме меня.

Я ничего не ответила парню и отправилась искать кафе «Лейла».

Вера Скворцова открыла дверь и схватилась за косяк.

– Что вам надо?

– Здравствуйте, – сказала я. – Сегодня на улице хорошая погода, солнце светит.

– Как вы узнали, где я живу? – нервно спросила хозяйка.

– Открыла третий глаз и увидела, – без тени улыбки ответила я. – Я талантливый экстрасенс, могу, например, сообщить, как Вера Скворцова провела сегодня раннее утро. Она, сидя за рулем автомобиля своей подруги Кати Дроздовой, задавила насмерть Егора Кострова.

– Вы чего? – попятилась Вера. – Я не знаю такого!

– Совсем не обязательно дружить с тем, кого сбиваешь машиной, – парировала я. – Есть свидетель, он видел вас, одетую в красную куртку и кепку, за рулем зеленого «Рено».

Скворцова начала отступать в глубь темного узкого коридора. Я пошла за ней, не забыв захлопнуть входную дверь. В конце концов мы очутились в очень странной комнате.

Небольшое помещение являло собой симбиоз кухни-ванной-туалета-спальни-детской. У стены располагались двухконфорочная плита, скромного размера холодильник и умывальник, около которого висели мыльница и стаканчик с зубными щетками. Левее я увидела душевую кабинку, за ней шли полки с книгами, игрушками и всякими мелочами, дальше находились кронштейн с одеждой, кровать, застеленная пледом, кресло, комод и манеж, куда мамы кладут малышей. Но сейчас вместо младенца в нем сидела Алина. Увидав мать, девочка заколотила кулачками о пол и заорала:

– Нет, нет, нет!

Вера протиснулась к столу, занимавшему центр помещения, взяла из тарелки очищенную сырую морковку и сунула дочери. Алина начала сосредоточенно грызть овощ.

– Ну, нравится тебе у меня в гостях? – с вызовом поинтересовалась Скворцова.

– Тесно у вас, – вздохнула я, – и окна в потолке не слишком удобная вещь.

– Зимой снегу навалит, в комнате совсем темно делается, – произнесла Вера, – электричества на большие деньги нагорает. Бывший муж постарался, отомстил нам с дочкой по полной. Я никуда утром не ездила. Алину одну оставить невозможно, даже в булочную не сбегать. Родственников у нас нет, денег на няню тоже. Да и никто не хочет с Алиной сидеть, как ее увидят, уходят. Одна, правда, согласилась... за пять тысяч долларов. Хватило совести у бабки сюда войти и нереальную сумму запросить. Машину я у Кати брала. Но только чтобы к Григорию Гудкову съездить. И идея к нему отправиться Катина. Я не хотела, но она настояла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Почему Ефросинья Романова стала Евлампией Романовой, подробно рассказано в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/kostyum-adama-dlya-evy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)